

ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ:

**МОБИЛИЗАЦИЯ ИСЛАМИСТОВ И
РЕГИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ**

1 марта 2001 г.

**Данный текст на русском языке не является официальным вариантом.
Это перевод официального текста на английском языке.**

Международная Группа по Предотвращению Кризисов

СОДЕРЖАНИЕ

КАРТА ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ	i
КАРТА ФЕРГАНСКОЙ ДОЛИНЫ	ii
КРАТКОЕ СОДЕРЖАНИЕ И РЕКОМЕНДАЦИИ	iii
I. ВВЕДЕНИЕ	1
II. ПРЕДПОСЫЛКИ: ОТ ИСЛАМСКОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ К МОБИЛИЗАЦИИ ВОИНСТВУЮЩИХ ИСЛАМИСТОВ	2
А. Предшественники нынешних исламских движений	3
Б. Вооруженные вторжения ИДУ в 1999-2000 годы	7
В. Международная поддержка вторжений	8
Г. Поддержка внутри региона	10
Д. Растущая поддержка исламских движений среди масс	11
Е. Кто стоит за боевыми действиями?	16
III. ВЛИЯНИЕ НА ПОЛИТИКУ И БЕЗОПАСНОСТЬ В РЕГИОНЕ	19
IV. ПЕРСПЕКТИВЫ ДАЛЬНЕЙШИХ ВТОРЖЕНИЙ	21
V. РОЛЬ ИНОСТРАННЫХ ГОСУДАРСТВ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ	23
А. Китай	23
Б. Россия	24
В. Западные правительства и международные организации	25
VI. ВЫВОДЫ	25
А. Центральнo-азиатские правительства	25
Б. Иностранные государства и международные организации	26
ПРИЛОЖЕНИЯ	
А. Глоссарий	29
Б. О Международной Группе по Предотвращению Кризисов	30
В. Отчеты и брифинговые документы МГПК	31
Г. Члены Совета попечителей МГПК	34

ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ:

МОБИЛИЗАЦИЯ ИСЛАМИСТОВ И РЕГИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

КРАТКОЕ СОДЕРЖАНИЕ

Правительства Кыргызстана, Таджикистана и особенно Узбекистана ссылаются на реальное, но сильно преувеличенное, присутствие воинственно настроенных исламистских движений для оправдания репрессивных мер. Эти правительства, а также Россия, используют заявления об этих движениях, чтобы оправдать усиленные совместные меры международной безопасности против того, что воспринимается ими как общая угроза, а также, чтобы заручиться согласием и помощью западных государств. Такие мероприятия по большей части непродуманны и на деле дают обратный результат — они скорее создают ту самую угрозу, которой должны противостоять.

В Узбекистане, Кыргызстане и Таджикистане некоторые виды исламской религиозной деятельности, а также некоторые местные религиозные группы подвергаются преследованию. Такая политика усугубляет растущую социальную и политическую напряженность и увеличивает риск новых вспышек насилия. Россия — наиболее активный участник в силу своего понимания крайней необходимости принятия общих мер безопасности в отношении исламского радикализма на своих южных границах. Однако Китай и в меньшей степени некоторые западные державы, включая США, усиливают у трех центрально-азиатских правительств склонность подавлять даже аполитичные формы религиозной веры или религиозных организаций.

За девять лет независимости три центрально-азиатских государства, являющиеся предметом

внимания МГПК, все больше стремились контролировать практику вероисповедания, а также социально-политическую деятельность религиозных организаций. Их мотивы чисто политические — боязнь, что такая деятельность угрожает власти правящей элиты, — однако репрессии лишь подлили масла в огонь социального недовольства.

В настоящее время все три государства сталкиваются с различными проблемами безопасности, вызванными действиями воинственно настроенной исламистской группы, противостоящей правительству Узбекистана. Эта группа — Исламское движение Узбекистана (ИДУ) — действует во всех трех странах, но не имеет сильной поддержки ни внутри, ни за пределами региона и недостаточно сильна, чтобы представлять серьезную угрозу какому-либо правительству. Тем не менее, реакции трех государств на мелкие операции ИДУ в 1999 и 2000 гг. сами по себе создали напряженность и нестабильность. Правительства приводят необходимость борьбы с ИДУ в качестве оправдания дальнейших внутренних репрессий против неофициальной исламской деятельности, которые, в свою очередь, подталкивают некоторые слои общества к еще большей воинственности. Узбекистан создал дополнительную напряженность в регионе, проводя трансграничные операции против ИДУ в Таджикистане и Кыргызстане. Южные границы Таджикистана и Узбекистана также пострадали от военных действий в конце 2000 г. в ходе гражданской войны в Афганистане между радикальным исламистским движением Талибан и его противниками.

Эти события вызвали большой интерес к сотрудничеству в области региональной безопасности не только среди центрально-азиатских государств, но также у России и Китая. Официальные лица Запада сейчас уделяют гораздо больше внимания безопасности в Центральной Азии. Это отчасти вызвано вторжениями ИДУ, но в большей мере присутствием Осамы бин Ладена в Афганистане (по общему мнению, ответственного за крупномасштабные международные террористические акты и поддержку анти-западных воинственно настроенных групп), а также гражданской войной и растущим производством опиума в этой стране. Хотя был заключен ряд новых соглашений о региональной безопасности, пока еще мало свидетельств эффективного сотрудничества, а серьезное недоверие между центрально-азиатскими правительствами значительно подрывает усилия в достижении такого сотрудничества.

Проблемы безопасности Таджикистана, Узбекистана и Кыргызстана будут продолжаться усугубляться внутренними и внешними факторами, связанными с возросшей воинственностью исламистских групп и их растущим противостоянием центрально-азиатским правительствам, в частности правительству Узбекистана. Внешние факторы включают возможность для воинствующих исламистов получить убежище и обучение в Афганистане и Таджикистане, наличие в этих двух странах ветеранов гражданской войны, готовых бороться за исламистское дело где бы то ни было, торговлю наркотиками и поддержку боевиков со стороны движения Талибан, бин Ладена или других правительственных и неправительственных организаций.

Однако, самыми мощными, негативно влияющими на безопасность трех центрально-азиатских государств являются, скорее, внутренние факторы. Общественная поддержка правительств по-прежнему относительно сильна, но она слабеет. Перспектива такова, что более широкие слои населения, особенно в Узбекистане, устремятся на сторону оппозиции или, по крайней мере, будут поддерживать радикальную, даже использующую силу оппозицию режиму, если вся политическая оппозиция и неофициальные религиозные группы и деятельность будут продолжать оставаться мишенью для преследований.

Задача друзей Узбекистана, Кыргызстана и Таджикистана, особенно на Западе, отделить реальную угрозу от призраков и настаивать на том, что наилучшая мера безопасности, которую может принять каждое из этих правительств, чтобы защитить себя от угрозы воинствующего исламизма — это проявлять больше терпимости и больше демократии.

РЕКОМЕНДАЦИИ

Для центрально-азиатских правительств:

1. Переориентировать политику внутренней безопасности, чтобы подчеркнуть положительные ценности институтов гражданского общества, включая активную свободную прессу и религиозную терпимость.
2. Восстановить доверие к режиму путем четкого формулирования и демонстрации твердого намерения защищать права всех граждан, включая верующих мусульман.
3. Передать контроль за политикой в отношении ислама и исламских учреждений от организаций-преемников КГБ организациям, занимающимся вопросами социального развития и культуры.
4. Выработать четкие, хорошо обоснованные положения о том, что именно квалифицируется как антигосударственная исламистская деятельность, и контролировать их соблюдение.
5. Осуществлять контроль над тем, как выполняются политические директивы, во избежание преследования невинных людей местными сотрудниками правоохранительных органов для выполнения «плана».

Для иностранных государств и международных организаций:

6. Считать свободу религии вопросом безопасности, а не только прав человека, и недвусмысленно доказывать, что региональная безопасность может быть обеспечена лишь в том случае, если свобода религии гарантирована, а законная

деятельность групп и отдельных лиц не подавляется.

7. Следить за тем, чтобы донорская помощь не использовалась для усиления или оправдания преследований религиозной веры или религиозных групп, не призывающих и не практикующих насилие.
8. Координировать содействие в области безопасности, оказываемое государствами-донорами в соответствии с комплексным подходом и следить за тем, чтобы эта помощь не воспринималась центрально-азиатскими правительствами как согласие с мнением, что неофициальная религиозная деятельность и организации являются угрозой безопасности.
9. Пересмотреть политику в отношении Афганистана, стремясь к более всеобъемлющему, менее сосредоточенному на отдельной проблеме (например, наркотики, терроризм) подходу к проблемам безопасности, который принимает в расчет усилия региональных правительств достичь договоренности с движением Талибан.
10. (Для западных государств) Предлагая поддержку центрально-азиатским государствам в их борьбе с насильственными проявлениями радикальной исламисткой политики, следует чаще проводить консультации с Китаем и особенно с Россией, которые имеют важные интересы в вопросах безопасности и обладают специфическими знаниями о регионе.
11. (Для Китая и России) Следует искать экономические и социальные, а не военные меры, чтобы помочь центрально-азиатским государствам ослабить привлекательность радикальных исламистских групп.

Ош — Брюссель, 1 марта 2001 г.

ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ: МОБИЛИЗАЦИЯ ИСЛАМИСТОВ¹ И РЕГИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

I. ВВЕДЕНИЕ

До 1999 г. представление о том, что исламистская политика и мятеж будут серьезным дестабилизирующим фактором, следующим за падением Советской власти в Центральной Азии, казалось преувеличенным страхом. Известные аналитики предсказывали, что исламский радикализм станет причиной

¹ В данном отчете термин «исламистский» используется в отношении отдельных лиц и групп, которые используют ислам как способ политической — а иногда и военной — мобилизации. Радикальные исламисты — это те, кто непреклонен в стремлении свергнуть существующие режимы, обычно для того, чтобы заменить их некоей формой исламского правления, основанного либо на строгом соблюдении законов шариата, либо просто отводящего центральную роль исламской религии и ценностям. Воинствующие исламисты — это те, кто готов прибегнуть к насильственным методам для достижения этих целей. Авторы данного отчета избегают использования таких терминов как «фундаменталисты», «мусульмане-фундаменталисты» и «радикальные мусульмане», так как это ведет к путанице с основным значением слова «фундаменталист» (это слово относится к тем, кто проповедует «возврат» к первоначальным или фундаментальным формам религиозного обряда) и ошибочному предположению, что ислам — это религия, которая изначально является антигосударственной или склонной к насилию. Термин «Ваххаби» также не используется, т.к., в советской и постсоветской Центральной Азии он без разбора применяется ко всем мусульманам и мусульманским группам, которые государство стремится подавить, независимо от того, защищают они доктрины или политические интересы ваххабизма или нет.

гибели Советского Союза. Позднее возникло предположение, что подпольная исламская деятельность, которая продолжала существовать в Советское время, выйдет наружу, чтобы бросить вызов преемникам коммунистического правления.² Однако эти ожидания не оправдались, и до недавних пор самая важная роль ислама состояла в культурном возрождении, а не в активном противостоянии постсоветским правительствам. Ислам играл незначительную роль в политике региона, за одним важным исключением, когда исламизм достиг значительного влияния в Таджикистане после гражданской войны (1992-97 гг.). Это происходило, отчасти, из-за подавления ислама государством, а также из-за отсутствия интереса к политическому исламу со стороны населения.

Что касается мобилизации исламистов, сейчас ситуация в Центральной Азии³ претерпевает большие изменения. После взрывов в Ташкенте в феврале 1999 года и последовавших вторжений в Кыргызстан в 1999 и в Узбекистан и Кыргызстан в 2000 году, восприятие ситуации полностью изменилось. Сейчас политические круги

² Alexandre Bennigsen и Marie Broxup, *The Islamic Threat to the Soviet State [Исламская угроза Советскому государству]* (New York: St. Martin's Press, 1985 г.), Hélène Carrière d'Encausse, *Decline of an Empire: The Soviet Socialist Republics in Revolt [Падение империи: восставшие Советские Социалистические Республики]* (New York: Newsweek Books, 1979 г.).

³ В данном отчете, и в целом в работе проекта МГПК в Центральной Азии, основным предметом внимания являются Узбекистан, Таджикистан и Кыргызстан. Данный отчет посвящен главным образом Узбекистану, так как именно там вопрос исламистской мобилизации в настоящее время имеет наибольшую значимость.

озабочены тем, что воинствующий исламский радикализм может получить плацдарм в Центральной Азии. Смогут ли исламисты захватить и удерживать части территорий в Узбекистане или Кыргызстане? Смогут ли они возглавить массовое народное восстание? Приведет ли это к свержению центрально-азиатских правительств и, возможно, к полной ликвидации национальных государств и созданию регионального исламского государства — к возрождению «Халифата»?

Как должны государства и международные организации реагировать на эту «исламскую угрозу» в своих попытках поддержать стабильность и развитие демократии, способствовать интеграции региона в мировое сообщество государств и приобщению его к нормам хорошего управления? Какие меры могут быть приняты, чтобы предотвратить распространение «афганистанов» — государств с анти-западной ориентацией, навязывающих своим гражданам консервативное, анти-плюралистическое видение исламского общественного порядка и служащих источником региональной нестабильности и даже международного терроризма? Существуют ли жизнеспособные альтернативы авторитарному подходу к борьбе с исламистской деятельностью, сторонником которого в последние годы является Узбекистан и который, похоже, все больше применяется другими правительствами?

В данном отчете МГПК рассматривает то, что происходит на границах Центральной Азии и влияние происходящего на стабильность в регионе в краткосрочной и среднесрочной перспективе. Отчет содержит вывод о том, что хотя недавние вторжения представляют собой очень ограниченное явление, критический момент наступил. Если не будут предприняты правильные шаги, ситуация может резко ухудшиться. Некоторые подходы, предпринимаемые как международными институтами, так и региональными правительствами, грозят увеличить риск растущей исламистской радикализации и мятежа.

II. ПРЕДПОСЫЛКИ: ОТ ИСЛАМСКОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ К МОБИЛИЗАЦИИ ВОИНСТВУЮЩИХ ИСЛАМИСТОВ

Когда в 1991 году центрально-азиатские государства приобрели независимость, они унаследовали не только десятилетиями существовавшие авторитаризм и сильное государственное вмешательство, но также открытость и свободу слова горбачевского периода, который, хотя и был недолгим, вызвал появление альтернативных партий, включая партии возрождения ислама. Горбачевский период также принес большую свободу вероисповедания, что привело к широкому народному участию в возрождении ислама в культуре и общественных институтах. После того, как центрально-азиатские государства стали независимыми, их правительства в различной степени отошли от либерализма перестройки. Большинство предприняло наступление на ислам, чтобы не допустить приобретения им политического влияния. Даже в Кыргызстане — самом либеральном из центрально-азиатских государств — было запрещено создавать партии на основе ислама.

В последние годы Советской власти и первые годы независимости существовала значительная свобода деятельности неофициальных религиозных организаций. Среди этих организаций были и те, которые раньше действовали подпольно, и новые группы, возникшие отчасти под влиянием связей, установившихся с другими странами исламского мира. В начале, когда они не подавлялись и не преследовались, они не получили никакого официального признания. Это признание было закреплено за официальной религиозной иерархией, созданной, чтобы контролировать религиозную деятельность в советское время, и которая фактически составляла часть государственного аппарата этих стран.⁴ Однако, к 1992-93 гг., правительства, особенно в Узбекистане и Туркменистане, начали расправляться с религиозными группами и организациями, которые не были под контролем

⁴ «Islam and fundamentalism in independent Central Asia [Ислам и фундаментализм в независимой Центральной Азии]», в кн.: *Muslim Eurasia: Conflicting Legacies*, под ред. Y. Ro'i (London: Frank Cass, 1995 г.), стр. 23-24.

официальных, полугосударственных институтов.⁵ Это преследование было наиболее сильным в Узбекистане, но рейды против исламских групп совершались также и в Казахстане. Власти Кыргызстана позволили Узбекской службе безопасности продолжить свои операции на кыргызской территории.⁶ Исламского восстания не произошло: на самом деле, наоборот, масштаб деятельности исламских организаций был ограниченным и ограничивался все больше. Несколько случаев, таких, как убийство милиционеров в городе Наманган в Узбекистане, были приписаны исламским экстремистам. Они послужили обоснованием для принятия жестких мер в этой стране, хотя некоторые доказывали, что убийства были связаны с коррупцией и не имели ничего общего с исламом.⁷

А. ПРЕДШЕСТВЕННИКИ НЫНЕШНИХ ИСЛАМСКИХ ДВИЖЕНИЙ

Таким образом, в Центральной Азии в целом 90-е годы были периодом, когда исламистская деятельность почти полностью отсутствовала, за двумя значительными исключениями. Самым заметным исключением был Таджикистан в 1991-92 годах, когда коалиция исламских, демократических и националистических/культурных групп возрождения провела ряд демонстраций против коммунистического правительства, что в конечном итоге привело к поляризации внутри страны, созданию временного коалиционного правительства и к гражданской войне, которая продолжалась с 1992 по 1997 гг.⁸ В ходе этих

событий, то, что в начале было довольно умеренным исламским движением, стало более радикальным, главным образом, после того, как многие были вынуждены отправиться в изгнание на север Афганистана, где они попали под сильное влияние афганских моджахедов. Впоследствии, процесс мирного урегулирования в Таджикистане привел к возвращению беженцев из Афганистана и других мест и созданию коалиционного правительства, куда вошли лица из числа воинствующих исламистских лидеров (а также из более светской оппозиции).

В настоящее время процесс мирного урегулирования в Таджикистане официально завершен, но военные командиры с обеих сторон продолжают контролировать территорию независимо от правительства, с которым они предположительно должны были объединиться. Это дает возможность исламистам из других регионов Центральной Азии найти убежище в Таджикистане и использовать его в качестве базы для своих действий так же, как они сделали это в Афганистане. После того, как в 1997 г. было достигнуто соглашение о мире и особенно после президентских и парламентских выборов (в ноябре 1999 г. и феврале 2000 г. соответственно), которые должны были завершить процесс мирного урегулирования, правительство Таджикистана, возглавляемое Президентом Эмомали Рахмоновым, стремилось удалить от власти исламское, бывшее оппозиционное руководство и его последователей. В результате часть воинствующего исламского движения в Таджикистане стала больше ориентироваться на участие в мятежах в других частях региона.

Вторым значительным проявлением исламистской мобилизации в 90-е гг. стало создание таких групп, которые в конечном итоге привели к созданию Исламского Движения Узбекистана (ИДУ)⁹ — основной организации, стоящей за вооруженными вторжениями в Кыргызстан и Узбекистан в 1999 и 2000 гг.¹⁰ Корни этих групп — в исламском подполье Советского времени.¹¹

⁵ См., например, Mehrdad Nahgayeghi, *Islam and Politics in Central Asia [Ислам и политика в Центральной Азии]* (New York: St. Martin's Press, 1994 г.), стр. 208.

⁶ Игорь Ротар, «Bishkek neither oppresses nor protects its Wahhabites [Бишкек ни преследует, ни защищает своих ваххабитов]», *Jamestown Foundation's Prism*, 16 июля 1999 г., т. V, №14, ч. 6.

⁷ Abdumannob Polat [Абдуманноб Пулат], «Can Uzbekistan build democracy and civil society? [Может ли Узбекистан построить демократию и гражданское общество]», в кн.: *Civil Society in Central Asia*, под ред. М. Holt Ruffin и Daniel Waugh (Seattle/London: Center for Civil Society International, 1999 г.), стр. 141.

⁸ Muriel Atkin, «Thwarted Democratization in Tajikistan [Недопущенная демократизация в Таджикистане]», в кн.: *Conflict, Cleavage and Change in Central Asia and the Caucasus [Конфликт, раскол и перемены в Центральной Азии и на Кавказе]*, под ред. Karen Dawisha и Bruce Parrot (Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1997 г.), стр. 287-290.

⁹ *Узбекистон Ислом Харакати* на узбекском языке; *Исламское движение Узбекистана* на русском языке.

¹⁰ См. ICG Briefing, «Recent Violence in Central Asia: Causes and Consequences [Недавние акты насилия в Центральной Азии: причины и последствия]», 18 октября 2000 г.

¹¹ Михаил Фальков, «Исламское движение Узбекистана (ИДУ)», *Независимая газета* [онлайн], 24 августа 2000 г. через Центральноазиатские новости, в интернете: <http://www.ferghana.ru/news>. Для беспристрастного обзора ислама и деятельности исламских оппозиционных групп в

Первым значительным открытым проявлением было движение под названием «Адолат» [«Справедливость»], которое возникло в городе Намангане в Ферганской долине приблизительно во время распада Советского Союза. В течение нескольких месяцев, начиная с ноября 1999 г., участники движения организовывали демонстрации, осаждали здания городской администрации и создавали свои отряды милиции, которые вершили быстрое правосудие на улицах.¹² Движение «Адолат» возникло как реакция на моральную и социальную деградацию (отсюда название «Справедливость») и имело некоторую поддержку населения в виде создания отрядов дружинников для борьбы с мелкой преступностью и официальной коррупцией. Однако после периода сдержанности правительство Узбекистана уничтожило не только эту группу, но также и другие группы, активизировавшиеся в либеральную эру перестройки, чья деятельность была менее политизированной.¹³

Таким образом, к 1992 г. Узбекистан уже начал загонять свою исламскую оппозицию в подполье и в ссылку, в частности, в Таджикистан и Афганистан. Людей, посещавших официально незарегистрированные мечети или просто одевавшихся в манере, говорившей о приверженности исламу, милиция насильно заставляла сбривать бороды, подвергала притеснениям, арестам и избиениям.¹⁴ Некоторые религиозные деятели просто исчезли. Например, один из самых широко известных имамов в Центральной Азии

Таджикистане в советские время см. Muriel Atkin, *The Subtlest Battle: Islam in Soviet Tajikistan* (Philadelphia: Foreign Policy Research Institute, 1989 г.).

¹² Больше о движении «Адолат» см. William Fierman, «Political Development in Uzbekistan: Democratisation? [Политическое развитие в Узбекистане: Демократизация?]», в кн.: *Conflict, Cleavage and Change in Central Asia...*, стр. 382.

¹³ Nancy Lubin и Barnett Rubin, *Calming the Ferghana Valley: Development and Dialogue in the Heart of Central Asia* (New York: The Century Foundation Press, 1996 г.), стр. 48-49.

¹⁴ См. раздел «An alarming new trend: The crackdown against 'independent Muslims' [Новая тревожная тенденция: преследование 'независимых мусульман']», в отчете Human Rights Watch/Helsinki: «Uzbekistan: Persistent human rights violations and prospects for improvement [Узбекистан: постоянное нарушение прав человека и перспективы улучшения]» (New York, 1996 г.).

Абдували Кори Мирзоев из Андижана неоднократно арестовывался, прежде чем окончательно исчез в 1995 г. вместе со своим помощником. Он был похищен по дороге на конференцию в Москву, и большинство наблюдателей полагают, что он или убит или удерживается под охраной службы безопасности Узбекистана.¹⁵

Правительство проводило четкое различие между теми, кто принадлежал к мечетям и школам, подчиняющимся полуофициальной религиозной администрации, созданной в советское время, и практически всеми остальными. С последними обращались как с врагами государства, несмотря на то, насколько умеренными или аполитичными могли быть их вера и деятельность. К 1997 г. это преследование приняло размеры массовой кампании, повлекшей за собой тысячи арестов, которые могли привести к длительным срокам тюремного заключения всего лишь за хранение неофициальной исламской литературы.¹⁶ Все больше активистов бежало в Таджикистан и Афганистан, чтобы избежать ареста. Проводя свою религиозную и политическую деятельность подпольно или в ссылке, исламские активисты становились более враждебными по отношению к государству и все больше попадали под влияние воинствующих исламистских движений, враждебно настроенных против посткоммунистических режимов в Центральной Азии.¹⁷

Почти все это время правительство Президента Ислама Каримова имело поддержку подавляющей части населения Узбекистана.¹⁸ Правительство доказывало, что без доли авторитаризма и власти сильной руки в Узбекистане может начаться гражданская война и хаос, как в Таджикистане, где, как утверждали узбекские власти, слишком большой простор был дан демократии. В

¹⁵ 1999 Country Reports on Human Rights Practices: Uzbekistan, Bureau of Democracy, Human Rights, and Labor, U.S. Department of State, 25 February 2000, в интернете: <http://www.usis.uz/wwwright.htm>.

¹⁶ «Crackdown in the Ferghana Valley: Arbitrary arrests and religious discrimination [Расправа в Ферганской долине: произвольные аресты и религиозная дискриминация]», *Отчет Human Rights Watch*, т. 10, № 4 (май 1998 г.).

¹⁷ Lubin и Rubin, *Calming the Ferghana Valley...*, стр. 101-105.

¹⁸ Исследование Нэнси Любин, проведенное среди большого количества населения Узбекистана, продемонстрировало популярность режима, даже среди тех, кто считал себя сторонником демократии, см. *Central Asians Take Stock: Reform, Corruption, and Identity* (Washington, DC: United States Institute of Peace, 1995 г.).

в Узбекистане и в соседних странах Каримовым действительно восхищались за поддержание порядка, сопротивление рыночным реформам, из-за которых обнищали другие советские государства и за создание ярких символов суверенного государства, таких как современные здания, новые национальные памятники и сеть «президентских» дорог в столице. Даже некоторые западные наблюдатели положительно оценили «сильную руку» Каримова, как главное средство достижения региональной стабильности, путем ограничения влияния России в регионе.¹⁹

Именно эти символы сильного государства и образ непоколебимого «порядка» подверглись атаке в феврале 1999 г. при взрывах в Ташкенте.²⁰ В течение приблизительно полутора часов взорвались шесть бомб, нацеленные на здания, являющиеся символами воплощения государственной власти, убив, по крайней мере, 16 и ранив более 100 человек. Один из главных взрывов произошел в здании Кабинета Министров незадолго до прибытия кортежа Каримова. Удивительным образом нарушив режим безопасности, автомобиль, начиненный взрывчаткой, проехал на территорию здания, несмотря на сильную охрану, которая всегда окружает Президента и правительственные здания. По общему мнению, президента спасла лишь задержка его прибытия. Люди, которые вышли из машины и открыли огонь по охране здания из автоматического оружия, исчезли из центра самого строго охраняемого места в стране. Никто из тех, кто взорвал бомбы, не был пойман. Все это, в сочетании с точным расчетом времени, высокой степенью согласованности действий и проникновением в систему безопасности, а также совпадение с

другими политическими событиями немедленно породило предположения, что нападение было согласовано или проведено изнутри аппарата безопасности.²¹

Официальной реакцией было приписать взрывы исламистским экстремистам. На следующий день после взрывов правительство Каримова заявило, что знает виновных; последовал ряд арестов, некоторые из которых были проведены в других бывших советских республиках по просьбе узбекских властей. Был выдвинут целый ряд теорий о том, кто несет ответственность за взрывы; в числе подозреваемых оказались и российские службы безопасности, мстящие Узбекистану за сопротивление российскому господству, и соперники Каримова в правительстве, и сам Каримов, устроивший все это для того, чтобы оправдать политические преследования.²² Правительство Узбекистана приписало эти атаки международному заговору исламских экстремистов, действующих из Афганистана, Турции, Таджикистана и других соседних стран, а также из самой Ферганской долины Узбекистана. В Ташкенте и в Ферганской долине было произведено множество арестов по обвинению в соучастии. Среди известных заговорщиков за рубежом был самый известный из них — Тахир Юлдаш, в свое время возглавлявший движение «Адолат» в Намангане (см. выше), а в настоящем — политический лидер Исламского Движения Узбекистана (ИДУ), а также Мухаммад Салих, лидер запрещенной узбекской оппозиционной партии «Эрк», которому разрешили противостоять Каримову на президентских выборах 1991 года, но затем отправили в изгнание.²³ Хотя Салих отрицал свою связь с ИДУ, и само ИДУ отказалось от ответственности за взрывы, Юлдаш грозил, что в запасе имеются еще бомбы на случай, если режим Каримова не отступит.²⁴

Пожалуй, будет слишком по-макиавеллиевски подозревать, что Каримов затеял это нападение для того, чтобы оправдать гонения на возможных

¹⁹ S. Frederick Starr, «Making Eurasia Stable [За стабильность в Евразии]», *Foreign Affairs*, т. 75, № 1, стр. 80-92 (1996 г.).

²⁰ Эти события стали предметом значительного интереса в правительственных и журналистских кругах в России и Узбекистана, где они были представлены делом рук широкого международного исламского заговора. Эти события были изложены в мельчайших подробностях в пропагандистских материалах в советском стиле, таких как трехчасовое телевизионное «разоблачение», многократно транслируемое в Узбекистане и в сокращенном варианте в России, Кыргызстане и других соседних странах, а также в работе Олега Якубова *Стая волков: кровавый след террора: политический детектив* (Москва: Издательство Вече, 2000 г., опубликовано на русском языке в 1999 г.).

²¹ Abdumannob Polat и Nikolai Butkevich [Абдуманноб Полат и Николай Буткевич], «Unravelling the mystery of the Tashkent bombings: Theories and implications [Разоблачение тайны Ташкентских взрывов: теории и значения]», *Demokratizatsiya*, т. 8, № 4 (2000 г.).

²² См. Полат и Буткевич, «Разоблачение тайны...»

²³ Полат и Буткевич, «Разоблачение тайны...»

²⁴ «Узбекское исламское движение: Правительство должно уйти или его уберут силой», *Голос Исламской Республики Иран*, 19 марта 1999 г. через BBC Worldwide Monitoring (Lexis-Nexis Academic Universe).

противников, хотя результат был именно таким. В 1999 г. количество задержаний и арестов лиц, подозреваемых в связи с неофициальными исламскими организациями, резко возросло. Родителей призывали доносить на своих детей, и поток людей, сбежавших из Узбекистана в Таджикистан и Афганистан, чтобы избежать ареста, резко увеличился.²⁵ Была объявлена всеобщая кампания, в частности, против Хизб ут-Тахрир ал-Ислами (Исламская Партия Освобождения), которую официальные лица обвинили в пособничестве ИДУ Тахира Юлдаша. Хизб ут-Тахрир — это международное движение, действующее в разных частях исламского мира провозгласившее своей целью возрождение Халифата и исламского правления, основанного на законах шариата.²⁶ Оно действовало в Узбекистане только как подпольное движение, но его лидеры отрицают какую-либо причастность к взрывам в Ташкенте. Примечательно что в то время как Узбекское правительство официально настаивает на том, что Хизб ут-Тахрир и ИДУ действуют сообща, и в действительности на основании этого возбуждаются уголовные дела против тех, кто был осужден за взрывы, реальные отношения между этими организациями являются, безусловно, гораздо более проблематичными. Высокопоставленный узбекистанский чиновник сообщил МГПК, что, по данным узбекских разведывательных источников, лидеры ИДУ искали сближения с Хизб ут-Тахрир, однако предложения о сотрудничестве были отвергнуты.

Только после преследований и массовых арестов тех, кого власти обвиняют в связи с этим движением, лидеры Хизб ут-Тахрир начали говорить, что они перешли от провозглашения мирных средств для достижения своих целей к предположению, что единственный эффективный способ противостоять режиму Каримова может быть связан с насильственными мерами. Хизб ут-Тахрир заявляет, что от 50.000 до 100.000 мусульман были арестованы за поддержку движения и содержатся в концентрационных

лагерях в западном Узбекистане.²⁷ Западные и местные группы по защите прав человека утверждают, что аресты производились тысячами (возможно десятками тысяч). Недавно Узбекское правительство признало, что лагеря для задержанных существуют, однако отказалось допустить туда международных наблюдателей. Хотя невозможно привести точные цифры,²⁸ полевые исследования МГПК в пострадавших общинах показывают, что масштаб арестов огромен. Практически в каждой общине — и даже в каждой семье — можно встретить людей, которые знают кого-либо, кого травили, задерживали, арестовывали или приговорили на основании якобы существующей связи с несанкционированными исламскими группами.

Такие жестокие меры формируют важную часть предпосылок вторжения исламистов в Кыргызстан и Узбекистан в 1999 и 2000 гг. После взрывов в Ташкенте исламисты стали распространять все больше листовок, особенно на Узбекской территории Ферганской долины; в них говорилось, что Каримов еврей, кафир (неверный), враг ислама и слуга Запада и что его правительство должно быть заменено исламским государством или Халифатом, охватывающим, по крайней мере, в начале, Ферганскую долину (территории Узбекистана, Таджикистана и Кыргызстана).²⁹ Эта же цель провозглашалась теми, кто осуществлял вторжения.

²⁷ «Head of Uzbek Islamic opposition wants present regime to quit — Full interview [Глава узбекской исламской оппозиции хочет, чтобы действующий режим ушел — полное интервью]», *Voice of the Islamic Republic of Iran [Голос Исламской Республики Иран]*, 28 апреля 1999 г. через BBC Worldwide Monitoring (Lexis-Nexis Academic Universe).

²⁸ Нет точных данных о количестве арестованных за связь с неофициальными исламскими организациями в Узбекистане. В сентябре Председатель Верховного суда Узбекистана Убайдулла Мингбоев сообщил, что около 2.000 человек были осуждены по политическим мотивам с 1991 г. (UPI, 5 сентября 2000 г.). Тем временем, лагеря для интернированных предположительно могут вмещать около 70.000 человек. Правозащитные группы в Узбекистане пытались собрать информацию о тех, кто был арестован (см., например, *Список лиц, арестованных и осужденных по политическим мотивам в Узбекистане, январь 1999 г.-апрель 2000 г.*, общества «Мемориал», где приводимая цифра составляет не менее нескольких тысяч, но учитывая тот факт, что много, если не большая часть случаев, не разглашается, можно разумно предположить, что это число намного выше.

²⁹ «Узбекское исламское движение: правительство должно уйти...», *Голос Исламской Республики Иран*, 19 марта 1999 г. через BBC Worldwide Monitoring (Lexis-Nexis Academic Universe).

²⁵ «Узбеки простят ‘заблудших’, если те раскаются», *Узбекское телевидение 1-й канал*, 4 апреля 1999 г. через BBC Worldwide Monitoring (Lexis-Nexis Academic Universe).

²⁶ Организация Хизб ут-Тахрир имеет вебсайт (<http://www.hizb-ut-tahrir.org/>), содержащий обширный материал о ее идеологии, целях, методах и т.д.

Б. ВООРУЖЕННЫЕ ВТОРЖЕНИЯ ИДУ В 1999-2000 ГОДЫ

6 августа 1999 г. вооруженная группа, проникшая в Баткенскую область южного Кыргызстана через высокогорные перевалы из Таджикистана, взяла в заложники нескольких представителей власти кыргызстанской администрации, освободив их неделю спустя после уплаты выкупа в размере 50 тыс. долларов США. Кыргызские военные продолжили попытки изгнать вооруженную группу из Кыргызстана, но 22-23 августа новая группа из нескольких десятков человек была взята в заложники, включая кыргызского генерала и четверых японских геологов. Противостояние, длившееся два месяца, показало, что кыргызские военные, похоже, были бессильны изгнать мятежников из ряда населенных пунктов. Узбекистан предложил военную помощь, и без согласия какой-либо из стран Узбекские ВВС нанесли бомбовые удары по территории Кыргызстана и Таджикистана, вызвав резкий протест, особенно со стороны последнего. Мятежники ушли после того, как Япония, якобы, уплатила выкуп в 6 миллионов долларов США.

Помимо неопределенного намерения свалить узбекское правительство и конкретного требования выкупа, мятежники также настаивали на том, чтобы кыргызское правительство предоставило им свободный проход через кыргызскую территорию в Узбекистан, который и был их настоящей целью. Хотя, как сообщалось, общее число боевиков составляло около тысячи, они не могли реально надеяться, что смогут захватить и удерживать какую-либо территорию в Узбекистане, который имеет довольно сильную армию и который в последние годы укреплял приграничные регионы, особенно в Ферганской долине.

В результате этих событий напряженность в отношениях между тремя странами резко возросла. Узбекистан критиковал Кыргызстан за военную слабость и неспособность контролировать свою территорию, а Таджикистан — за укрывание врагов Узбекистана. Таджикистан выразил протест против нарушения своего воздушного пространства и бомбардировки своей территории (которые Узбекистан вначале отрицал, но позже признал). Однако, в итоге,

вторжение подтолкнуло страны к заключению между собой (и Россией) соглашений о безопасности, в период подготовки к новым вторжениям следующим летом, после того, как растает снег на горных перевалах между Таджикистаном и Кыргызстаном.

Вторжения начались снова в августе 2000 года, на этот раз сначала в южной Сурхандарьинской области Узбекистана, в высокогорном районе на границе с Таджикистаном. В течение недели отдельные нападения произошли в нескольких точках южного Кыргызстана (в основном в Чон-Алайском и Ляйлякском районах), а также в горах Узбекистана, к востоку, недалеко от столицы, Ташкента. Первоначальный успех этих вторжений, хотя их и предвидели, показал недостатки пограничного контроля Узбекистана, который, предположительно, должен был быть гораздо надежнее.

Кыргызские военные были, несомненно, лучше подготовлены в этот раз, однако определенные ожидания новых враждебных действий не помешали отчаянным американским альпинистам отправиться в этот район даже после того, как вторжения уже начались. Мятежники взяли альпинистов в заложники, но те освободились, убив вооруженного охранника.³⁰ Хотя этот случайный побег предотвратил возможность прямого участия США в военных действиях, захват американцев побудил Госдепартамент США внести ИДУ в официальный список террористических организаций. Это означает, что любой, кто поддерживает ИДУ, может быть подвергнут санкциям со стороны правительства США. Хотя причины такого шага, несомненно, связаны со стратегическими отношениями между США и Узбекистаном, а также с озабоченностью по поводу распространения терроризма, официальное объявление ИДУ террористической организацией, похоже, содержит элемент случайности. Нет никаких доказательств того, что ИДУ намеренно стремилось захватить американских или других иностранных заложников, или преследовало иные международные цели.³¹

³⁰ Michael Vig, «The great escape: Utah climber recalls six frightful days in Kyrgyzstan [Великий побег: альпинист из Юты вспоминает шесть страшных дней в Кыргызстане]», *The Salt Lake Tribune*, 26 августа 2000 г.

³¹ Во всем мире только 28 групп были признаны международными террористическими организациями. Фактически, действия, приписываемые ИДУ, в целом больше соответствуют деятельности более многочисленных воинствующих оппозиционных групп,

Узбекистан постоянно заявлял, что мятежники почти побеждены, а через несколько дней после начала конфликта и незадолго до появления боевиков вблизи столицы Президент Каримов сказал, что «ситуация находится полностью под контролем и опасений по поводу возможной эскалации конфликта нет».³² Однако прошло больше месяца, прежде чем военные вытеснили боевиков с территории Узбекистана. В течение двух месяцев после начала вторжений продолжались попытки изгнать относительно небольшое число оставшихся боевиков с Кыргызской территории. Общее количество мятежников, участвовавших в кампаниях 2000 года, очевидно, было несколько меньше, чем в 1999 году, и в целом масштаб вторжения можно оценить как очень небольшой. Хотя боевые действия даже такого масштаба и представляют серьезную угрозу благополучию жителей пострадавших регионов, а также разрушают представление о том, что режим способен контролировать свои границы, они не грозят свержением правительства в ближайшем будущем. Более значительная угроза, которую они представляют — это возможность широкого народного восстания, которое будет одновременно подпитываться за счет напряженности между странами и еще больше усугублять ее.

В. МЕЖДУНАРОДНАЯ ПОДДЕРЖКА ВТОРЖЕНИЙ

Значимость этих вторжений и их влияние на будущее спокойствие Центральной Азии зависят от ответа на вопрос, кто стоит за ними. Официальные правительственные источники в Узбекистане (а иногда и в Кыргызстане) приводят довольно простой сценарий, в котором нет места каким-либо реальным внутренним причинам вторжений и который отрицает существование местной поддержки. Согласно таким объяснениям, вторжения имеют корни в международном заговоре, который вдохновляют и финансируют преступники и иностранные радикалы, такие как Осам бин Ладен, саудовский миллионер, которого считают организатором взрывов посольств США в Восточной Африке в августе

1998 года. Согласно данному мнению, за вторжениями стоят именно эти внешние силы, взаимодействующие с горсткой злых и жаждущих власти узбекских изгнанников, таких как Тахир Юлдаш и Мухаммад Салих. Говорят, что их воля осуществляется ИДУ и Хизб ут-Тахрир, в чьих наемных армиях и движениях участвуют боевики из стран, являющихся родиной исламского экстремизма, таких как Чечня и Алжир. Их жертвами становятся узбеки, которых религиозные фанатики ввели в заблуждение идеологически и завлекли большими денежными наградами.

Согласно такому объяснению, исламское движение руководствуется не идеологическими убеждениями, а корыстными интересами тех злодеев, которые используют приверженность исламу как прикрытие для торговли наркотиками, за счет которой финансируется их деятельность и создается подпольная сеть для распространения влияния на молодежь. Подразумевается, что мятежники и их сторонники идеологически и политически вне закона, что они не иначе как преступники и, следовательно, не являются по-настоящему «мусульманами» и не заслуживают, чтобы их называли политической «оппозицией». Важно отметить, что этот аргумент имеет ряд политических сторонников, среди которых не только правительства региона, но также, что самое главное, Россия, которая делает акцент на связи со своими врагами в Чечне, и даже некоторые представители западных государств. На недавно прошедшей в Ташкенте конференции по борьбе с наркотиками, организованной преступностью и терроризмом представитель Интерпола, например, прямо заявил, что исламская идеология мятежников является просто дымовой завесой для торговли наркотиками.³³ Сторонники данной точки зрения не объясняют, какую роль отдаленные горные районы, выбранные центром вторжений в Кыргызстан и Узбекистан, играют в торговле наркотиками, учитывая их крайнюю недоступность (горные перевалы проходимы только около двух месяцев в году) и очевидную легкость, с которой наркокурьеры действуют на других легко доступных маршрутах. Более того, не может быть серьезного

которые не входят в этот особый список. Текст сообщения Госдепартамента США см. в интернете: <http://www.usembassy.org.uk/terror121.html>.

³² Интерфакс, 9 августа 2000 г.

³³ «Международная конференция по укреплению безопасности и стабильности в Центральной Азии: единый подход к борьбе с наркотиками, организованной преступностью и терроризмом», совместно проводимая отделом ООН по контролю за наркотиками и предотвращению преступности и Организацией по Безопасности и Сотрудничеству в Европе, Ташкент, Узбекистан, 19-20 октября 2000 г.

сомнения в важной роли, которую исламская идеология играет в мотивации как лидеров, так и последователей воинствующего движения. Наблюдатели, утверждающие обратное, либо основывают свои утверждения на недостаточной информации, либо желают поддержать усилия региональных правительств дискредитировать своих оппонентов.

Другие делают упор не на криминальные причины, а скорее на политические заговоры того или иного внешнего участника. Обычно считают, что такие заговоры возглавляет Пакистан, который значительно заинтересован в разжигании мятежей в Центральной Азии для укрепления своего положения в регионе посредством распространения клиенталистских режимов, подобных режиму Талибан, или такие консервативные исламские государства как Саудовская Аравия, которые, как полагают, проводят анти-западную политику. Вариация на данную тему была высказана Послом Кыргызской Республики в Ташкенте, который заявил, что вторжения были делом рук западных держав, стремящихся разделить и ослабить центрально-азиатские государства.³⁴ Хотя обычно центрально-азиатские правительства не высказывают такую позицию официально, она отражает широко распространенное подозрение в отношении Запада и особенно США. Причины этого отчасти лежат в укоренившемся отношении времен холодной войны и отчасти в знании того, что США поддерживали воинствующие исламские движения в Афганистане в борьбе с просоветским режимом напрямую или через Пакистан, также из-за подозрения, что поддержка, оказываемая Пакистану со стороны США, все еще является основной движущей силой, стоящей за движением Талибан.

Другая теория доказывает, что вторжения были организованы Россией, которая якобы должна оказывать давление на центрально-азиатские правительства, чтобы подчинить их своему региональному господству. Хотя конкретных доказательств этому не приводится, эта теория основывается на утверждении, что Россия

³⁴ Посол Батырали Сыдыков привел этот аргумент в своей речи на Международной конференции по межрелигиозному диалогу, организованной UNESCO (Ташкент, Узбекистан, 14-16 сентября 2000 г.), цитируя теорию Сэмюэла Хантингтона о «столкновении цивилизаций» как призыв к Западу организовать заговор против исламских стран.

могла предотвратить и предотвратила бы вторжения, если бы сама не поддерживала их.³⁵

И, наконец, существует очень мало реальных доказательств в поддержку каких-либо теорий о широком международном заговоре с целью оказания систематической поддержки вторжений ИДУ. Действительно, маловероятно, что вообще когда-нибудь появится ясное доказательство, например, масштаба и источников военной и финансовой поддержки ИДУ. Тем временем, такие утверждения обычно преподносятся в лучшем случае на основании достоверного предположения, и голого, ничем не обоснованного утверждения - в худшем. Часто такие теории лишены даже внутренней логики и последовательности. Например, те, кто доказывает, что Талибан покровительствует ИДУ, в целом не пытаются объяснить: а) каким образом отряды ИДУ могут свободно передвигаться между Афганистаном и Таджикистаном, при том, что эта приграничная область Афганистана находится под контролем Северного Альянса — непримиримых врагов Талибов? б) каким образом очевидная терпимость к ИДУ со стороны тех элементов, которые участвуют в государственном управлении в Таджикистане может уживаться с тем, что эти элементы явно находятся на стороне Северного Альянса? и в) каким образом этнический антагонизм между Талибами, где преобладают пуштуны, и Северным Альянсом, где преобладают таджики и узбеки, может быть примирен с этническим составом ИДУ?³⁶ Тем не

³⁵ Например, в одном исследовании утверждается, что «Российские войска в Таджикистане могли бы легко уничтожить эти лагеря с воздуха, а Российские пограничники на таджикско-афганской границе могли бы воспрепятствовать их проходу. Вместо этого, Российские войска и правительство в Душанбе терпели присутствие на таджикской территории таких лагерей и позволили силам ИДУ неоднократно пересекать таджикско-афганскую, таджикско-кыргызскую и таджикско-узбекскую границы» (Jamestown Foundation's *Monitor*, 9 ноября 2000 г.). Однако такая точка зрения может сильно преувеличивать возможность и готовность Российских войск влиять на ситуацию в слабо контролируемых районах Таджикистана. Утверждение, что Россия оказывает, по крайней мере, пассивную поддержку ИДУ, похоже, серьезно противоречит широко распространенному мнению о том, что ИДУ, Талибан и Осам бин Ладен объединены в тайный сговор, учитывая непреклонную позицию России в ее противостоянии правительству Талибан и бин Ладену.

³⁶ Существует не только вероятность того, что боевики ИДУ, в основном узбеки и таджики, естественным образом примут сторону своей этнической группы — Северного Альянса — в Афганистане, но они даже

менее, очевидно, что ИДУ получает, по крайней мере, некоторую поддержку от Талибов, поскольку имеет офисы в Кабуле и военные учебные лагеря на других территориях Афганистана, контролируемых Талибами.

Г. ПОДДЕРЖКА ВНУТРИ РЕГИОНА

Тем временем, более внимательный анализ этих событий подсказывает, что внутренние события и условия наиболее важны для объяснения роста исламской воинственности. Они объясняют вторжение как отражение экономических трудностей и недовольства, затронувших часть населения, и как реакцию на жестокое преследование исламской деятельности, которая настроила соблюдающих обряды, но в остальном умеренных мусульман против государства. В то время как обвинения в международном заговоре постоянно присутствуют в общественных дискуссиях и официальной информации, политические аналитики, которые наблюдают за этими событиями с самым пристальным вниманием как со стороны правительства Узбекистана, Госдепартамента США, международных НПО, так и в качестве независимых ученых — сходятся во мнении, что экономические и политические события, происходящие в самом регионе являются решающими. Даже западная пресса, которая в прошлом часто не могла удержаться от разговора об исламской угрозе, в последнее время стала все больше обращать внимание на репрессивный характер центрально-азиатских режимов и экономический кризис как на причину нестабильности в регионе.³⁷

Существование внешних сил, заинтересованных в использовании недовольства и в разжигании волнений в Центральной Азии, неопровержимо. Например, Хизб ут-Тахрир — международное движение, чья деятельность координируется из-за пределов Узбекистана, достаточно откровенно

и публично заявляет о своей неприязни по отношению к существующим правительствам Центральной Азии. Движение Талибан в Афганистане также не в ладах с бывшими коммунистическими режимами, в немалой степени из-за того, что последние оказывают поддержку Северному Альянсу, который контролирует постепенно сужающийся кусок территории на границе Афганистана с центрально-азиатскими государствами. Талибы идут даже на то, что заявляет, будто узбекские ВВС бомбили участки в северном Афганистане. Существует провозглашенная солидарность между чеченскими повстанцами, воюющими против России, узбекскими мятежниками и так называемыми «афганскими» арабами, которые прибывали из разных уголков арабского мира, чтобы помочь отразить советское вторжение 80-х годов.

В официальных узбекских сообщениях о вторжениях, притом, что в них не удалось представить конкретных доказательств участия иностранных боевиков, большое значение придавалось докладам о том, как некоторые повстанцы говорили на иностранных языках, а также перехваченным переговорам по радио между боевиками и базами в Афганистане. Сообщения российской и узбекской прессы и официальная правительственная информация о повстанцах изобилуют упоминаниями об учебных лагерях в Афганистане и даже в Чечне, но обычно без указания надежных источников.³⁸ Очевидно, что Россия и Узбекистан действуют заодно в своих пропагандистских кампаниях, предназначенных для Запада и своего собственного населения. Они обыгрывают идею о хорошо финансируемом и идеологически фанатичном международном заговоре, нарушающем их суверенитет, тем самым подразумевая, что это оправдывает суровые меры по нейтрализации их противников.

В официальных сообщениях также говорится о широком финансировании из внешних источников и делается предположение о том, что исламисты

обучались и сражались вместе в годы ссылки ИДУ и Объединенной Таджикской Оппозиции в этой стране.

³⁷ См., например, David Filipov, «Uzbek Government cracks down on Islamic rebel groups: officials fear Muslim uprising [Узбекское правительство расправляется с исламскими мятежными группами: власти опасаются мусульманского восстания]», *Boston Globe*, 14 января 2001 г.; Cyrill Stieger, «Central Asia and Islamic Threat [Центральная Азия и исламская угроза]», *Neue Zuercher Zeitung*, 28 февраля 2001 г.

³⁸ «17 Kyrgyz troops killed in clashes with gunmen [17 кыргызских военных убито в столкновениях с вооруженными людьми]», Интерфакс, 15 августа 2000 г. (Lexis-Nexis Academic Universe); Amir Shah, «Afghanistan's neighbors to discuss security concerns [Соседи Афганистана обсуждают проблемы безопасности]», United Press International, 30 сентября 2000 г. (Lexis-Nexis Academic Universe); Andrei Antonov [Андрей Антонов], «Taliban: Reconnaissance in force [Талибан: разведка боем]», Интерфакс, 6 сентября 2000 г.

занимаются торговлей опиатов, произведенными в Афганистане и их перевозкой через этот регион в Россию и далее в Западную Европу. Часто выдвигается предположение о том, что основным мотивом боевиков для участия в этих вторжениях является высокая плата, которую они могут получить. Считается, что даже те, кто распространяет листовки, делают это по поручению агентов, которые хорошо платят.³⁹

Общий смысл официальных сообщений заключается в том, что источники вторжения находятся за пределами Узбекистана, а мотивы вторжения довольно циничны. Они отрицают или преуменьшают возможность того, что люди могут участвовать в этом из-за искренних убеждений касательно того, как нужно строить более процветающее, более справедливое или просто более исламское общество или потому, что они страдают из-за тяжелых экономических условий или политических и религиозных притеснений.

Д. РАСТУЩАЯ ПОДДЕРЖКА ИСЛАМСКИХ ДВИЖЕНИЙ СРЕДИ МАСС

Истинная ситуация, конечно, намного сложнее, чем данные объяснения. Весьма маловероятно, что мятежники смогли бы привлечь сторонников, не будучи в состоянии убедительно доказать, что их дело справедливое. Общее количество боевиков в ИДУ мизерное по сравнению с населением Узбекистана или даже одной его области. Среди боевиков, несомненно, есть люди с самым разнообразным жизненным опытом, которые примкнули к движению по различным причинам. Значительный контингент этого

движения составляют люди, присоединившиеся к исламскому движению в Узбекистане еще в начале 1990-х, и те, кто бежал из страны в течение 90-х годов, по мере усиления гонений на неофициальный ислам. Нет никаких причин полагать, что нечто иное, чем религиозные убеждения и общественные институты было главной причиной, приведшей людей к этому движению.

Официальное утверждение, что исламистское движение получает существенную поддержку от тех, кто приходит в него случайно и ненадолго для того, чтобы быстро заработать, не внушает доверия. Не может быть и речи о том, чтобы сколько-нибудь значительное число молодежи в Узбекистане решилось на такой шаг, ибо он означает грубое нарушение власти родителей над сыновьями. Наказания, налагаемые на семьи тех, кого заподозрили в поддержке исламистского движения, настолько жестоки (санкции зачастую включают арест и тюремное заключение), что решение сына примкнуть к движению потребовало бы, по крайней мере, молчаливого согласия отца.

Тем временем, существенные обстоятельства, несомненно, вынуждают целые общины поддерживать исламистское движение. Одно из таких обстоятельств — очень плохие жизненные условия во многих сельских районах, где работа по-прежнему ведется в стиле централизованной плановой экономики, требующей от сельскохозяйственных коллективов выращивать культуры (хлопок и пшеницу), которые они обязаны продавать государству по ценам намного ниже рыночных. Даже эти незначительные суммы могут выплачиваться с задержкой и в форме натуральной оплаты. В результате, во многих сельских районах население с трудом может обеспечить себя даже самым необходимым.⁴⁰

Кроме этого, с теми, кого власти сочли врагами государства на основании участия в неофициальных исламских организациях, обращаются настолько жестоко, что это переводит часть населения в жесткую оппозицию государству. В Узбекистане, как и во всей

³⁹ Например, Министр иностранных дел Узбекистана Абдулазиз Камиллов заявил: «Данная операция была подготовлена тщательно и давно. У нас есть основания полагать, что бандитские формирования поддерживаются Объединенной Таджикской Оппозицией, Афганскими экстремистами и другими странами». Он сказал, что эти же экстремистские силы стоят за событиями в Дагестане и Кыргызстане. «Согласно неподтвержденным сообщениям, листовки, побуждающие добровольцев ехать на Кавказ, были распространены в Душанбе и восточном Таджикистане. Добровольцам обещали 2.000 долларов США на дорожные расходы и 800 долларов США за каждую неделю в бою», — сказал он (из сообщений агентства Интерфакс, записанных FBIS, 17 сентября 1999 г.).

⁴⁰ Abdumannob Polat [Абдуманноб Пулат], «The Islamic revival in Uzbekistan: A threat to stability? [Исламское возрождение в Узбекистане: угроза стабильности?], в кн.: *Islam and Central Asia: An Enduring Legacy or an Evolving Threat? [Ислам и Центральная Азия: тяжелое наследие или зреющая угроза?]*, под ред. Roald Sagdeev и Susan Eisenhower (Washington, DC: Center for Political and Strategic Studies, 2000 г.), стр. 53-54.

Центральной Азии, большинство населения политически довольно пассивно и склонно принимать существующую власть и поддерживать существующий порядок вещей. Однако, поскольку правительство Узбекистана прибегло к нажиму на семьи людей, которых считает своими противниками, оно преуспело в том, чтобы настроить многих против государства. Когда родных братьев, сестер или родителей задерживают или травят за якобы совершенные членами их семьи идеологические преступления, сила широких семейных связей и тесные отношения внутри общин приводят к тому, что круг людей, считающих себя противниками государства, постоянно расширяется. Не всегда ясен механизм выявления лиц, преследующихся за идеологические преступления, но представляется вполне вероятным, что местным правоохранительным органам дается квота или план по поимке «экстремистов» и выдается вознаграждение за количество пойманных. Следовательно, процесс поляризации коснулся очень большой части населения.

Примерами государственного давления, которое простые мусульмане испытывают в Узбекистане, может служить следующее. Любой, кто проявляет какие-либо признаки приверженности исламу, является объектом официального подозрения. Это относится и к тем, кто посещает официально разрешенные мечети и к тем, чьи мечети не входят в структуру официальной исламской администрации, хотя принадлежность к последним становится все более серьезной опасностью. Следует подчеркнуть, что неофициальные мечети стали появляться по всему Узбекистану в начале 1990-х. Вначале государство не препятствовало этому и даже, казалось, приветствовало. Однако все больше мечетей — иногда связанных с определенным направлением исламской религии — становились мишенью официального неодобрения и признавались «незаконными». Те, кто раньше посещал мечети, признанные впоследствии незаконными, находятся особенно в рискованном положении. Их могут привлечь к ответственности за их прежние связи с *имамом* (руководителем молитвенных собраний), который был тогда арестован. Учитывая то обстоятельство, что в большинстве мест в Узбекистане принадлежность к определенной мечети связана скорее с местом проживания, чем с

идеологической ориентацией, клеймить тех, кто посещает определенную мечеть, как людей, ведущих подрывную деятельность, во многих случаях является в высшей степени произволом.

Практически любой молодой человек, который регулярно посещает мечеть или одевается в манере, которую милиция считает исламской, может рассказать о неоднократных случаях задержания или допроса по поводу его исламской деятельности. Некоторым насильно сбрасывали бороды, которые считаются проявлением антиправительственной, исламской ориентации. От молодых женщин также требуют не одеваться по-исламски. Ученицам старших классов средних школ и студенткам университетов запрещено носить *хижаб* (головной платок, который закрывает волосы и шею). В общем, считается, что чиновники имеют право контролировать все сферы жизни. Однако эта кампания против ислама, санкционированная центральным правительством, дала право местной милиции измываться над населением таким наглым образом, который противоречит моральным и традиционным ценностям. Результат — все более резкая поляризация между населением и правительством.

Государство также все больше пытается установить прямой контроль над религиозными учреждениями и содержанием проповедей в официальных мечетях и вне их. Правительство дает указания через местных *хакимов* (хаким — должность главы городской, районной и областной администрации со времени независимости) относительно того, что следует говорить во время молитвенных собраний. В этих распоряжениях имамам советуют критиковать оппозиционеров и хвалить президента и правительство во время *хутба* (объяснение имама исламских учений, которые традиционно были основаны на Коране и Хадисе, но сейчас должны отражать определенные позиции правительства). Имамы, с которыми беседовали аналитики МГПК и которые вели свою деятельность и в советские времена, сравнивают методы правительства с методами советского КГБ. Они чувствуют, что степень наблюдения со стороны агентов спецслужб, посещающих мечети, выросла с тех пор, как правительство независимого государства приняло ислам в лоно национальной культуры. Агенты Службы Национальной Безопасности прямо сообщают имамам, что любое расхождение с линией правительства может привести к немедленному аресту.

Подобные попытки контролировать исламскую деятельность более характерны для Узбекистана, однако, такие же меры все больше используются и в соседних государствах. Узбекистан явно пытается заставить соседей присоединиться к его усилиям и помешать исламским группам организоваться. Со времени независимости произошло несколько случаев, когда узбекские власти выбирали путь прямых репрессий оппозиции, нарушая при этом территориальный суверенитет соседей — независимо от того, было ли на то их согласие или молчаливое одобрение. Наиболее известные акции такого рода вызвали протесты общественности — например, случай, когда агенты узбекской службы безопасности похитили Абдуманноба Пулата, Председателя Общества защиты прав человека Узбекистана после его участия в конференции в Бишкеке в 1992 г.⁴¹ Несмотря на международную реакцию на такие события, Кыргызстан не способен сопротивляться подобным продолжающимся нарушениям своего суверенитета, особенно в приграничных районах юга Ферганской Долины, где мусульманские группы и отдельные лица имеют тесные связи по обе стороны границы и где узбеки, преследуемые в Узбекистане, ищут убежище. Жители Ошской области южного Кыргызстана утверждают, что многие этнические узбеки в Кыргызстане, «подозреваемые в религиозном экстремизме и терроризме», были арестованы узбекскими спецслужбами на территории Кыргызстана.

В то же время, собственная политика Кыргызстана в отношении потенциальных исламских активистов стала более жесткой. Вторжения исламских боевиков в южном Кыргызстане в 1999 г. подтолкнули киргизское Министерство Национальной Безопасности (МНБ) и Службу Национальной Безопасности Узбекистана к более тесному сотрудничеству. Отношения между Таджикистаном и Узбекистаном более натянутые. Тем не менее, в северном Таджикистане также предпринимались попытки уничтожить такие группы, как Хизб ут-Тахрир, несмотря на включение исламистов в состав правительства в Душанбе и общую атмосферу примирения между исламистами и бывшими коммунистами, воевавшими в гражданской

войне.⁴² В мае 2000 г. аналитики МГПК встретились с главным духовным лицом официальной исламской иерархии Ленинабадской области (переименованной в Согдскую область в июне), который сказал, что его главным образом беспокоит отрицательная роль, которую играют неофициальные исламские группы и необходимость со стороны правительства противостоять их влиянию.

Политика предвыборной кампании и этнические противоречия усложнили ситуацию в южном Кыргызстане.⁴³ С одной стороны, Президент Акаев добивался вторичного избрания (в ноябре), обещая эффективно бороться с влиянием исламизма на южных рубежах. С другой стороны, он сильно зависел от избирательной поддержки узбекской общины, которая составляет примерно половину населения южных районов и в целом более исламизирована. Во время подготовки к выборам имело место ослабление анти-исламистской кампании, которое вызвало негативную реакцию у многих, не только у узбеков, и было воспринято некоторыми как потворствование Акаева Каримову и его анти-исламской политике. Во время предвыборной кампании Акаев подчеркнуто старался представить себя другом ислама, хотя, как и в Узбекистане, кыргызские официальные власти все больше дифференцируют официально разрешенные исламские учреждения и независимо основанные мечети и школы, которые, как считается, трудно контролировать. Алауддин Мансур - известный исламский ученый из Кара-Су в южном Кыргызстане, который перевел Коран с арабского языка на узбекский, созвал *Курултай* (совет) узбекской диаспоры в Оше в поддержку Акаева; мероприятие транслировалось на всю область. Люди, подходившие к мечетям во время кампании, получали маленькие календари с фотографиями Акаева, стоящего рядом с известными узбекскими имамами, а в мечетях слышались призывы поддержать Акаева. Между тем, местные имамы рассказали МГПК о том, что скрытая кампания против потенциально «нелояльных» мусульман усиливается и они подозревают, что среди узбеков

⁴¹ Patricia M. Carley, «Conference in Bishkek on human rights [Конференция в Бишкеке по правам человека], *Central Asia Monitor*, № 1, 1993 г.

⁴² См. например, «Seven members of 'Hizb ut-Tahrir' sentenced to different periods of imprisonment [Семь членов 'Хизб ут-Тахрир' приговорены к различным срокам тюремного заключения]», *Asia-Plus Blitz*, № 156, 17 августа 2000 г.

⁴³ К. Н. Бурханов, например, указывает на возможность возникновения этнической напряженности и сепаратизма в южном Кыргызстане в «*Экстремизм в Средней Азии*» (Алматы: Институт России и Китая, 2000 г.), стр. 67.

из Узбекистана, которые посещают их мечети, находятся агенты службы безопасности. Один имам рассказал, сколько его бывших сокурсников из медресе Бухара в Узбекистане,⁴⁴ окончивших вместе с ним эту духовную школу почти 30 лет назад и ставших служителями духовенства в Узбекистане, были отправлены в тюрьму или исчезли. Страх ареста и допроса милицией и МНБ распространяется среди местного духовенства также и в Кыргызстане. Один имам сказал МГПК: «Не приходится бояться, если ты сотрудничаешь с правительством, но если ты отказываешься или остаешься нейтральным, за тобой будут следить день и ночь. Несколько лет назад никто не мог представить, что хватка Каримова настигнет ислам и в Оше».

В то же время, попытка правительства привлечь духовенство к контролю над исламом может ухудшить ситуацию, внося раскол между «лояльным» духовенством, которое постепенно теряет доверие населения, и «народным» духовенством, которое сопротивляется контролю правительства. Так, вышеупомянутый богослов Алауддин Мансур регулярно внушает верующим, что сторонники Хизб ут-Тахрир «даже более опасны, чем атеисты или коммунисты... Они не мусульмане: члены этой партии как вирус, и люди должны держаться от них подальше».⁴⁵ Многие местные мусульмане, независимо от того, поддерживают они Хизб ут-Тахрир или нет, считают, что богослов Мансур следует указаниям муфтия Узбекистана, когда не позволяет членам Хизб ут-Тахрир молиться в мечети. Двое членов партии Хизб ут-Тахрир, давшие интервью в Кара-Су и пожелавшие остаться неизвестными, заявили, что многие жители Кара-Су считают, что он связан с узбекскими и кыргызскими секретными службами: «Он теряет уважение среди верующих, и все меньше и меньше людей приходят в его мечеть». По мере того, как правительство стремится привлечь на свою сторону часть духовенства, оно отталкивает население от тех, кто мог бы в иных обстоятельствах считать себя просто умеренными, и невольно вынуждает людей

устремляться к оппозиционно настроенным группам.

Экономические трудности и потеря веры в способность правительств улучшить положение простых сельских граждан также являются очень важными факторами для мобилизации поддержки исламистского движения. Узбекистану в целом удается поддерживать экономическое благосостояние, в то время как соседние страны переживают крах во многих отраслях экономики. Однако существует увеличивающийся разрыв между теми, кто извлек выгоду из рыночных реформ и населением в целом, особенно в сельских районах. В то время как правительство вкладывает средства в создание символов мощи и независимости страны, особенно в столице, оно не придает столь же первостепенного значения проблемам высокой и постоянно растущей безработицы в сельской местности. Воздействие пропаганды, преобладающей в подконтрольных государству средствах массовой информации и сулящей Узбекистану великое будущее и процветание, теряет силу, поскольку ожидания, связанные с независимостью, остаются неисполненными. Засуха этого года, несомненно, усилит тревогу и недовольство. Поскольку в Узбекистане и все больше в других центрально-азиатских государствах простые люди имеют мало возможностей законным путем влиять на политический курс страны, исламистское движение, которое заявляет о своей способности решить экономические проблемы, завоевывает доверие среди бедных слоев населения.⁴⁶

При оценке степени приверженности исламу и потенциала в создании оппозиции существующим режимам важно не делать выводов на основании таких показателей, как глубина знаний о религии или степень исторической религиозности той или иной группы. Кыргызское население, например, обычно считается менее исламизированным. Однако группы боевиков, возглавляемые узбеками, получили определенную поддержку среди местного кыргызского населения, проживающего в Баткенском районе южного Кыргызстана. Это было связано с тем, что кыргызы в этом регионе были недовольны недостаточным количеством средств и ресурсов, выделяемых центральным правительством

⁴⁴ В то время это было одним из двух исламских высших учебных заведений, действовавших в Советской Средней Азии.

⁴⁵ Эти цитаты взяты из поучений имама Мансура об исламе, которые бесплатно распространяются среди населения на аудиокассетах.

⁴⁶ Sam Nunn и др. «Social and Economic Tensions and Reforms» [Социально-экономическая напряженность и реформы], в кн.: *Calming the Ferghana Valley: Development and Dialogue in the Heart of Central Asia* (New York: The Century Foundation Press, 1999 г.), стр. 59-78.

региону, отдаленному от столицы и слабо задействованному в инфраструктуре центральной власти. Точно так же, многие мусульмане имеют мало знаний о вере, благодаря прерванным в советское время традициям. Однако этот фактор сам по себе может служить толчком к большей преданности — чтобы наверстать упущенное (рвение «новообращенного»). Ведь именно среди молодежи исламские группы, менее подвластные государству, находят поддержку. Многие местные наблюдатели, включая журналистов и правозащитников, подтверждают, что хотя в целом население политически довольно пассивно, оно восстанет против своих правительств, когда окажется перед лицом крайней бедности, а сейчас все больше людей находится именно в таком положении.

В сочетании с тяготами нищеты, вторым важным мотивом поддержки радикальной оппозиции является вопрос правосудия. Многие, кто иначе оставался бы политически пассивным, могут начать действовать при виде несправедливости, и этот вопрос доминирует в риторике исламистов. Поскольку правительство видится как коррумпированное и злоупотребляющее властью и особенно когда людей преследуют за моральные и религиозные убеждения, довод в пользу того, что только смена правительства позволит добиться справедливости и правосудия, становится все более притягательным. Один бывший сторонник движения Хизб ут-Тахрир сказал представителю МГПК в Центральной Азии, что он все же поддержит ИДУ, если боевики придут в Ташкент, так как он считает, что режим Президента Каримова стал таким репрессивным и анти-исламским, что только радикальная перемена поможет справиться с безысходностью. Тот же источник рассказал, что его бывшие сотоварищи по движению [Хизб ут-Тахрир] чувствуют, что положение тех, кто активно исповедует ислам настолько плохо, что они боятся, что милиция может в любой момент их арестовать. Они считают, что многие люди поддержали бы исламистское движение, но боятся начать действовать, полагая, что за их *махаллями* (соседскими общинами) внимательно следят тайные милицейские осведомители.

Так же, как и в советские времена, присутствие спецслужб ощущается повсюду, и действительно, они стараются усилить

впечатление слежки, как если бы оно само по себе являлось методом контроля. Многие люди, возможно, привыкли к этому с советских времен, но относительная свобода во время перестройки и в первые годы независимости изменила их ожидания и теперь они считают такой контроль несправедливым. Несмотря на эти страхи, значительное число людей готовы были признаться исследователям МКПГ в своей готовности поддержать радикальные движения, если такая поддержка покажется потенциально эффективной. Примечательно также, что страх среди активистов уменьшается и переходит в открытую ненависть к режиму. Наблюдатели по вопросам прав человека отмечают, что те, кто в середине 1990-х годов заявлял на суде о своей невинности и лояльности президенту, сейчас чаще выступают на суде с критикой в адрес режима «кафира». После вынесения приговоров некоторые родственники выкрикивают: «Смерть Президенту! Аллаху Акбар!».⁴⁷

Большинство людей все еще не готово поддержать радикализм и считает мир самым главным приоритетом. В беседах с МГПК в Андижане, например, некоторые местные жители объясняли, что существующие в Узбекистане проблемы происходят не из-за неправильной политики Президента Каримова, а из-за коррумпированных бюрократов, которые его окружают. Принятие населением правительства Каримова держится на традиционной покорности власти и правительственной пропаганде против ислама в средствах массовой информации. В Кыргызстане ситуация несколько иная, ибо, хотя и считается, что чиновники коррумпированы и что среди них в столице преобладают представители определенных политических групп (из которых узбеки и кыргызы с юга исключены), правительство все же считается менее репрессивным и деспотическим, чем в соседнем Узбекистане. В то время как у правительства существует много открытых противников на политической арене, среди этнических кыргызов Оша, которых исследователи МГПК спрашивали о том, кого они видят в качестве вероятных соперников Президента Акаева, никто не упомянул исламистов.

Социальная группа, которая, похоже, наиболее активно поддерживает дело исламистов, — это недовольный средний класс, включая большое

⁴⁷ Виталий Пономарев, «Грядет ли исламская революция в Узбекистане?» *Континент*, 2000 г., № 8, в интернете: <http://www.continent.kz/2000/08/16.html>.

число людей, чьи надежды на лучшую жизнь рухнули из-за безработицы в застойной экономике Узбекистана. Список арестованных и осужденных по политическим мотивам, составленный на основании судебных записей, показывает, что более 80 процентов исламистов имели среднее и средне-специальное образование, а остальные имели высшее образование.⁴⁸ Тем не менее, значительная часть образованного среднего класса твердо настроена против исламизма. В то время как эта часть населения может быть обеспокоена нарушением прав человека и была бы склонна отдать предпочтение светским демократическим движениям, если бы таковые имелись, она твердо придерживается убеждения, распространяемого в советское время, что ислам является опасным, отсталым и репрессивным.

Условия, которые в настоящее время приводят к поддержке исламистского движения, в наибольшей степени присутствуют в Узбекистане, однако они затронули и другие центрально-азиатские страны. В северном Таджикистане, например, где гражданская война не способствовала исламистской мобилизации (в отличие от юга), экономический крах и политические проблемы, длящиеся более десяти лет, создали тяжелые условия, особенно в сельских районах, побуждающие людей больше поддерживать исламистов. Таким же образом сельская экономика Кыргызстана во многих областях, особенно там, где в последние два года произошли вторжения, претерпела сильный упадок, приведший к отчаянному положению и оттоку населения в города. Когда произошли вторжения, в этих бедствующих районах имела место, по крайней мере, пассивная поддержка и некоторое активное участие сельского населения.⁴⁹

⁴⁸ Виталий Пономарев, «Список лиц, арестованных и осужденных по политическим и религиозным мотивам в Узбекистане, январь 1999 г. — апрель 2000 г.» (Москва: «Мемориал», 2000 г.). Этот источник также раскрывает, что самое большое число арестов было произведено в Ташкентской, Андижанской, Наманганской и Хорезмской областях — регионах с относительно большим и урбанизированным населением и где политическая элита сама склонна противостоять правительству Каримова.

⁴⁹ Angela Charlton, «Religious strife, drug trade, unravel fragile Central Asian stability [Религиозная борьба, торговля наркотиками, уничтожают хрупкую центральноазиатскую стабильность]», *Associated Press*, 29 октября 2000 г. (Lexis-Nexis Academic Universe).

Поддержкой пользуются различные исламистские группы. Кроме вышеупомянутого движения Хизб ут-Тахрир, были выявлены другие организации, деятельность большинства которых не ограничена масштабами одной страны, а имеет региональный характер. Например, по данным Ошского областного управления Министерства внутренних дел, кроме Хизб ут-Тахрир в Ферганской долине действует около десяти небольших, но мобильных террористических групп. Среди них; *Таблех* [«Миссия»], *Узун сокол* [«Длинная борода»], *Адолат уюшмаси* [«Общество справедливости»], *Ислом лаикарлари* [«Воины ислама»], *Товба* [«Покаяние»] и *Нур* [«Луч света»].⁵⁰ Большинство из них имеют больше сходства с ИДУ, чем с Хизб ут-Тахрир в том, что они состоят из людей, которые в любой момент готовы поднять оружие против государства. Эти группы малы по сравнению с более широкой социальной базой, члены которой все больше принимают исламизм как идеологию, но пока еще не как боевой клич.

Е. КТО СТОИТ ЗА БОЕВЫМИ ДЕЙСТВИЯМИ

Нет надежных сведений том, кто же на самом деле составляет ряды членов ИДУ и какие отношения связывают ИДУ с другими группами. На самом деле, может быть, ошибочно полагать, что вторжения проводились исключительно боевиками ИДУ. Хорошо известно, что ИДУ пользуется идеологической, если также не материальной и не военной, поддержкой некоторой части бывшей Объединенной Таджикской Оппозиции (ОТО) в Таджикистане, которая не согласна с политикой центрального правительства и настроена антагонистически к режиму Каримова.⁵¹ Этот антагонизм проистекает из вмешательства Узбекистана в Гражданскую войну на стороне анти-исламистских сил, а так же из последующих действий, которые были восприняты как нападки на Таджикистан в целом и на исламистов в частности. Хотя неясно, какие именно отношения связывают бывших лидеров оппозиции, таких как Саид Абдулло Нури (бывший руководитель ОТО) и повстанцев, действующих с территории Таджикистана, между ними существует явное идеологическое сходство и, возможно, более прямая поддержка.⁵²

⁵⁰ *Вечерний Бишкек* [газета], 28 мая 1999 г.

⁵¹ Jamestown Foundation's *Monitor*, 8 сентября 2000 г., т. VI, № 166.

⁵² Официальная узбекская газета *Правда Востока* заявила уже в июне 1999 г., что лидеры узбекской оппозиции, такие как Тахир Юлдаш и Джума Намангани

Вероятнее всего, таджики из ОТО в Таджикистане участвовали непосредственно в боевых действиях в Кыргызстане и Узбекистане. Среди мотивов, которыми руководствуются таджики, могут быть и продвижение дела исламизма в регионе, и месть бывшим коммунистам в Узбекистане за те обиды, которые, по их мнению, были нанесены таджикам во время узбекского господства в советский период, и даже перспектива получения платы, учитывая отсутствие других возможностей в этой разоренной войной стране. Узбеки из Таджикистана и Афганистана также могут быть причастны: в обеих странах проживает достаточно много узбеков, чья молодежь выросла в обстановке, характеризующейся как исламской направленностью, так и культурой воинственности. Таким образом, обоснованность мотивов и даже структура военной организации повстанцев, подлежит сомнению.

Один важный факт, который обнаружился в результате военных действий в Кыргызстан в этом году, состоит в том, что, строго говоря, ни вторжение этого года, ни предыдущего не было «вторжением».⁵³ Скорее всего, те, кто в нем участвовал, живут в этом приграничном районе, перемещаясь через границу, создавая склады оружия, устанавливая связи с местными жителями и даже вербуя среди них новых сторонников.⁵⁴ Возможно, что часть той же местной сети была создана раньше и использовалась нарко-курьерами, которые, как утверждают официальные лица в правительстве, могут быть тесно связаны с

координировали свои действия с Нури (см. *Foreign Broadcast Information Service*, 3 июня 1999 г., по данным агентства Интерфакс). Нури неизменно отрицает свою поддержку узбекских оппозиционных сил и обвиняет российских пограничников в неспособности предотвратить их проникновение в Таджикистан (см. *Institute for War and Peace Reporting, Reporting Central Asia*, № 37, январь 2001 г.). Однако он также предложил выступить посредником в конфликте.

⁵³ Источники, близкие к операциям сил безопасности в южном Кыргызстане сообщили МГПК, что местные кыргызы и таджики играли важную роль в поддержке вторжения.

⁵⁴ Angela Charlton, «Religious strife, drug trade, unravel fragile Central Asian stability [Религиозная борьба, торговля наркотиками, уничтожают хрупкую центральноазиатскую стабильность]», *Associated Press*, 29 октября 2000 г. (Lexis-Nexis Academic Universe).

повстанцами, хотя для торговли наркотиками существуют намного более удобные маршруты, чем эти отдаленные и недоступные районы. Также возможно, что намного более разветвленная сеть потенциальной поддержки мятежа создающаяся по всему региону, может позволить повстанцам «появиться ниоткуда» прямо в сердце густонаселенных районов так же, как они появились в этих приграничных зонах, когда начались конфликты. Некоторые ожидали применения такой тактики и в этом году, и тот факт, что этого не произошло, позволяет предположить, что эта сеть слаба, если вообще существует. К слову, подобная сеть, несомненно, существует и эффективно действует при распространении идеологических листовок движения Хизб ут-Тахрир, регулярно появляющихся под дверями домов по всему региону.

Имеющаяся информация о финансировании исламского движения крайне ненадежна. Внешние сторонники ИДУ, например, представители Осамы бин Ладена публично заявляли о денежных суммах, которые были обещаны или переданы ИДУ. Также есть основания полагать, что нарко-курьеры, которые, несомненно, располагают огромными средствами, могли найти общие интересы с повстанцами и оказывать им материальную поддержку. Однако такие заявления и предположения не дают реального представления о финансовых средствах повстанцев, а утверждения узбекского правительства о том, что боевикам платят по 100 долларов США в день — скорее пропаганда, чем документально подтвержденные сведения.⁵⁵ Один способ оценить объем средств, которыми располагают повстанцы — это посмотреть на эффективность их кампаний, а по этой мерке эти средства в лучшем случае ограничены. Им, возможно, очень хотелось бы действительно иметь в своем распоряжении международную сеть.

Другой очень важный фактор в развитии исламистского движения — это возможная поддержка тех, кто располагает официальной властью и полномочиями на различных уровнях. Существует возможность создания альянса, поскольку исламистское движение может быть использовано политическими деятелями для

⁵⁵ Vicken Cheterian, «Where is Juma Namangani? [Где Джума Намангани?]», *Eurasia Insight*, 27 февраля 2001 г., в интернете: <http://www.eurasianet.org/departments/insight/articles/eav071700.shtml>.

оказания давления на центральные власти или на соседние страны. Подтверждением этому служит тот факт, что исламисты, действующие против Узбекистана, смогли столь эффективно использовать Таджикистан в качестве базы для своих операций. Относительно независимые региональные лидеры в Таджикистане могут повысить свое положение, а в некоторых случаях и дать ход своим исламистским пристрастиям, предоставляя ИДУ убежище и поддержку. Сами центральные власти в Таджикистане, которые часто не в ладах с Узбекистаном, имеют определенный интерес в укрывании противников Узбекистана (так же, как некоторые противники Таджикистана находят убежище в Узбекистане и периодически осуществляют вторжения с территории Узбекистана). По той же схеме, члены политической элиты внутри Узбекистана могут быть заинтересованы в создании альянса с исламистами для укрепления своей собственной позиции (такой сценарий является одним из наиболее достоверных и широко принятых объяснений взрывов в Ташкенте в феврале 1999 года).⁵⁶

Это значит, что образ тщательно спланированного международного заговора, осуществленного рядовыми исполнителями, обманутыми идеологией и обещаниями денежных наград, несомненно, является лишь слабой тенью реальности. За вторжениями стоит множество различных интересов и участников, как на уровне руководителей, так и на уровне рядовых.

⁵⁶К. Н. Бурханов в книге «Экстремизм в Средней Азии» доказывает, что с тех пор, как представители политической элиты в областях Ферганской долины Узбекистана были ограничены в своем влиянии, они стали искать возможность создания альянса с исламистскими экстремистами с целью утвердить свое положение в национальной политике. Хотя данное утверждение может быть необоснованным, нет сомнения, что существование эффективного повстанческого движения представляет собой политическую возможность, которую недовольные элементы внутри правящей узбекской элиты могут использовать.

III. ВЛИЯНИЕ НА ПОЛИТИКУ И БЕЗОПАСНОСТЬ В РЕГИОНЕ

Подъем исламистского повстанческого движения в Центральной Азии вызвал либо усилил развитие новых важных событий в политике региона. Одно из самых значительных изменений происходит в восприятии и понимании происходящего. Режим Каримова в Узбекистане, который долгое время сохранял образ неприступной твердыни — образ, который сам по себе создавал часть основы законности и доверия — оказался серьезно уязвимым из-за неспособности предотвратить взрывы в Ташкенте и вторжения мятежников в непосредственной близости от столицы. Это изменение в восприятии заставило Узбекистан немедленно изменить свое намерение относительно вхождения в коллективные договоры о безопасности со своими соседями. В период, последовавший за первыми вторжениями, состоялся ряд встреч на высоком уровне и был достигнут ряд договоренностей между региональными лидерами. Но до сих пор Узбекистан не присоединился к Договору о Коллективной Безопасности стран СНГ, из которого он вышел незадолго до взрывов в Ташкенте. Даже после повторения вторжений в 2000 г. совместные договоренности не привели к каким-либо конкретным действиям. Взаимные подозрения и различия в интересах и подходах по-прежнему затрудняют сотрудничество.

Другое важное изменение произошло в роли, которую политика безопасности играет в общей структуре национальной политики в Узбекистане и в некоторой степени в Кыргызстане. Например, в то время как экономические интересы требуют более открытых границ, Узбекистан существенно укрепил и ограничил передвижение через свои границы до такой степени, что торговые маршруты, которые когда-то были весьма оживленными, сейчас почти закрыты. Хотя доступ Таджикистана во внешний мир по практическим соображениям осуществляется почти исключительно через Узбекистан, для большинства таджиков попасть в Узбекистан стало почти невозможно. Вызывает сомнение, что такие ограничения препятствуют передвижению тех, кто действительно представляет угрозу для Узбекистана, поскольку существует множество способов пересечь границу для тех, кто решил сделать это нелегально, через неконтролируемые участки или при помощи взяток. Процветающее взяточничество на границах само по себе

становится стимулом для органов безопасности настаивать на введении еще больших ограничений на трансграничные передвижения, в то время как требование взяток ведет к удорожанию торговли, как законными товарами, так и контрабандой. Все это усиливает влияние служб безопасности в органах центрального правительства. Так как эти министерства заинтересованы в конфронтации с соседними странами, можно ожидать, что тенденция к росту напряженности и менее успешному сотрудничеству будет продолжаться.

Хотя более жесткие правила пограничного контроля якобы направлены на укрепление безопасности, они фактически ведут к усилению напряженности, которая серьезно подрывает региональную безопасность. В некоторой степени усиливается взаимодействие между службами безопасности, например, Кыргызстана и Узбекистана, но результатом становятся более напряженные отношения с населением. Как сообщил аналитиком МГПК депутат Жогорку Кенеша (Парламент Кыргызстана) Алишер Сабилов, новые межправительственные соглашения позволяют службе безопасности Узбекистана арестовывать на кыргызской территории этнических узбеков Кыргызстана, подозреваемых в членстве в исламистских организациях и увозить их в Узбекистан. Когда узбеки, являющиеся гражданами Кыргызстана, таким образом арестовываются за распространение листовок Хизб ут-Тахрир, неприязнь к правительству не только Узбекистана, но также и Кыргызстана, сильно возрастает в пострадавших общинах. Один местный правозащитник рассказал МГПК о том, как российский правозащитник Виталий Пономарев едва избежал ареста узбекскими властями во время своего посещения Кара-Су в Кыргызстане, недалеко от Узбекистана, где он разыскивается за публикацию критики в адрес узбекского правительства.

Осуществление мер по охране границ также недавно привело к резкому росту напряженности в отношениях Узбекистана с Кыргызстаном и Таджикистаном. Независимая кыргызская газета сообщила, что кыргызское Министерство иностранных дел, Министерство обороны и Парламент выразили озабоченность по поводу проводимой Узбекистаном демаркации укрепленной границы в спорных приграничных зонах и минирования узбекско-

кыргызской границы вокруг анклава Сох (островки узбекской территории внутри Кыргызстана). Кыргызский МИД заявил, что подобные проблемы существуют на узбекско-таджикской границе, где двадцать семь таджиков, в основном женщины и дети, погибли, подорвавшись на минах.⁵⁷ Эта напряженность усугубила конфликтную ситуацию по принципу «око за око» и привела к появлению открытого письма руководителя одной из южных областей Кыргызстана, в котором, помимо прочего, объявлялось о намерении «забрать обратно» один анклав узбекской территории, расположенный внутри Кыргызстана.⁵⁸

Взросшее внимание к угрозе безопасности также привлекло к этой проблеме дополнительное внимание международного сообщества. Несомненно, прямым следствием этой угрозы стали, например, визиты в регион Генерального Секретаря НАТО, Госсекретаря и Министра обороны США, а также директоров ФБР и ЦРУ весной 2000 г. Суть обращений центрально-азиатских правительств к своим гостям состоит в необходимости получения большего содействия для улучшения военной реакции на вторжения. Визит Госсекретаря США Олбрайт принес обещания небольшой, но значительной помощи в этом направлении. Это укрепило доверие к точке зрения центрально-азиатских правительств о том, что проблема главным образом заключается во внешней угрозе безопасности, а не во внутренних причинах политической мобилизации. Политики в Узбекистане надеются, что общая угроза со стороны Осамы бин Ладена будет способствовать тому, что официальные представители США будут скорее укреплять режимы Каримова и Акаева, чем поднимать вопросы прав человека, демократии и даже рыночных реформ и коррупции. Лидеры Кыргызстана и Таджикистана, тем временем, сознают, что никогда не получат значительной поддержки в области безопасности от США и других западных государств, что и было продемонстрировано невозможностью предоставить существенную помощь во время вторжений — и вместо этого они надеются на Россию, чья приверженность интересам региона гарантирована, хотя и ограничена по существу.

⁵⁷ Дело №..., 29 ноября 2000 г., стр. 3.

⁵⁸ Открытое письмо руководителя Баткенской области Айбалаева, адресованное коллеге, хакиму соседней узбекской Ферганской области Атабаеву, в номере *Баткен тангы* [еженедельная областная газета], 10 января 2001 г.

Россия стремится извлечь двоякую пользу из данной ситуации. Она ищет союзников, которые поддержат ее против повстанцев в Чечне (так называемых исламских фундаменталистов) в борьбе, изображаемой как борьба между цивилизацией и фанатизмом. Проблема безопасности для центрально-азиатских государств также предоставила России возможность более непосредственного участия в делах региона, и примером тому служит ее угроза бомбовых ударов по Афганистану летом 2000 г., если Талибы окажут поддержку противникам Каримова. Однако некоторые центрально-азиатские лидеры смотрят на участие России весьма скептически. Например, Каримов недавно резко критиковал Россию за стремление использовать ситуацию для установления своего господства в регионе.

IV. ПЕРСПЕКТИВЫ ДАЛЬНЕЙШИХ ВТОРЖЕНИЙ

В некотором смысле, воздействие вторжений последних двух лет было скорее символическим, чем представляющим прямую угрозу. Захваченные территории были малы и расположены в отдаленных и малонаселенных районах; число жертв также было ограничено. Но главным остается то, что повстанцы, похоже, пока представляют интересы только чрезвычайно маленькой части населения этих стран и, следовательно, имеют мало перспектив для расширения своей деятельности в ближайшем будущем. Озабоченность, выраженная некоторыми официальными лицами на западе по поводу того, что эти вторжения могут позволить исламистам создать плацдарм в Центральной Азии, попадает мимо цели. На самом деле исламисты уже имеют такой плацдарм, как это очевидно из того, что они, по сути дела, свободно действуют с территории Таджикистана. Высокогорная граница между Таджикистаном и Афганистаном, хотя сегодня это единственная нероссийская граница, охраняемая российскими войсками, вполне проницаема для потоков оружия, наркотиков и боевиков. Невозможно установить, является ли этот поток в целом беспрепятственным из-за невозможности его контролировать, или потому, что существуют те, кто заинтересован допустить это.⁵⁹

Самый насущный вопрос не в том, будут ли такие вторжения проникать еще глубже на территории, а в том, не превратятся ли они во что-то совершенно иное. Вторжения такого рода представляют собой непомерную головную боль для сил безопасности и для населения пострадавших районов, а также наносят серьезный удар по доверию к лидерам, которые утверждают себя с точки зрения своей способности установить порядок. Они также усиливают атмосферу неуверенности, которая мешает иностранным инвестициям и международному участию. Это, в свою очередь, препятствует социально-экономическому развитию, усиливает антидемократические

⁵⁹ Любин и Рубин, в кн.: *Calming the Ferghana Valley... [Успокаивая Ферганскую долину...]* говорят о российской военной транспортной авиации как об основном транзитном маршруте афганского опиума и ссылаются на «часто упомянутое и астрономическое расхождение между тем, что российские пограничники, по их заявлениям, конфискуют у преступников и тем, что они представляют для проверки» (стр. 72).

тенденции и создает условия для наркоторговли и коррупции. Эти вторжения обостряют напряженность между государствами и вызывают страх, что одно государство — Узбекистан — будет действовать в одностороннем порядке и тем самым нарушит интересы и суверенитет своих соседей. Однако в той форме, в которой они существуют, они не грозят свержением режимов или созданием исламского государства в регионе.

Самый большой риск, который представляют собой вторжения, заключается в том, что они могут солидаризироваться с широким стремлением народа к лучшим экономическим условиям, более исламскому обществу или к поиску справедливости для тех, кто подвергался гонениям и репрессиям со стороны нынешних режимов. В настоящее время далеко не все рассматривают вторжения с этой точки зрения. Большинство населения боится нестабильности. Люди могут быть недовольны своим экономическим положением при существующих режимах и симпатизировать переходу от атеизма и антиклерикализма советского периода к исламским традициям, но они не рассматривают ИДУ и его союзников в Таджикистане в качестве тех, кто решит за них эти проблемы.

То, что может изменить ситуацию — или, скорее, то, что уже сейчас меняет ее, в частности, в Узбекистане — это растущее отчаяние по поводу экономических условий и увеличивающейся поляризации между официальной политикой и народным проявлением религиозного участия и приверженности исламу. Наихудший сценарий для стабильности — это случай, когда исламисты смогут получить широкую поддержку своего дела. Ту силу, с которой необходимо будет считаться, могут составить не нескольких сотен готовых к драке боевиков и не финансовая поддержка извне, а, скорее, широкая народная поддержка, которую получают экстремисты, когда их дело будет считаться справедливым. Самое тревожное в развитии событий в Центральной Азии — это то, что такого рода поддержка исламистов растет.

Узбекский министр обороны недавно признал, что не может предотвратить новые вторжения⁶⁰

⁶⁰ RFE/RL Newswire, т. 4, № 220, 13 ноября 2000 г.

и этим признанием выразил опасения большинства жителей региона. Генерал Болот Джанузак, Секретарь Совета Национальной Безопасности Кыргызстана был еще более откровенен в беседе с аналитиками МГПК. Он заявил, что кыргызское Министерство Национальной Безопасности располагает информацией о том, что ИДУ планирует новые вторжения в Кыргызстан более крупного масштаба, чем в 1999 и 2000 гг.: «Военная агрессия боевиков в следующем году потребует от нас еще больше ресурсов». Генерал Джанузак сделал аналогичные замечания на конференции по региональной безопасности, прошедшей в Казахстане в ноябре 2000 г., добавив: «Мы говорим не просто о местном конфликте, а о международном терроризме».⁶¹ В то время как центрально-азиатские правительства действительно могут иметь такие разведывательные данные, следует также заметить, что такие заявления делаются, чтобы получить международную поддержку для операций сил безопасности.

Были приняты меры по ограничению трансграничных передвижений, включая взрывы горных перевалов и минирование границы между Таджикистаном и Узбекистаном. Как сообщается, правительство Узбекистана в принудительном порядке эвакуировало жителей и уничтожило населенные пункты в приграничных районах.⁶² Граница усиленно охраняется и ведется наблюдение за теми группами населения, которые правительство подозревает в сочувствии повстанцам. Такая поляризация населения может усилиться, поскольку может принять межэтнический характер. В Узбекистане большое число представителей неузбекских групп, таких как казахи, таджики, уйгуры, находятся под давлением угрозы ассимиляции. Это особенно остро ощущается в некоторых взрывоопасных

⁶¹ С конференции, организованной Институтом по освещению войны и мира, как цитирует Энтони Борден в «Central Asia conflict fears [Опасность конфликта в Центральной Азии]», *Times of Central Asia* [газета], т. 2, № 46, 16 ноября 2000 г., стр. 4.

⁶² Во время ранее произошедших вторжений узбекское правительство объявило о переселении жителей нескольких сел приграничного района, якобы для их безопасности, однако, вполне вероятно, что это было сделано, чтобы помешать им оказывать поддержку повстанцам, или в качестве наказания за уже оказанную, по подозрениям, помощь. О том, что села были впоследствии разрушены, а их жители перемещены на постоянное жительство в другое место, сообщили анонимные лица, которые посетили пострадавшие районы.

приграничных районах, где ситуация усугубляется из-за напряженности и вторжений. Среди таких районов — местность между Ташкентом и границей Казахстана, где проживает много частично ассимилированных казахов, зона в Сурхандарьинской области, где прошлым летом произошли вторжения и где множество таджикских общин и Ферганская долина, представляющая собой пеструю мозаику из таджиков, уйгуров, кыргызов и других этнических групп.⁶³

Однако никакие принятые меры безопасности не дают достаточной уверенности в том, что новые атаки можно предотвратить, особенно потому, что одним из результатов этих мер несомненно станет более твердая решимость тех, кто осуществляет вторжения или тех, кто мог бы их поддерживать. Например, минирование границ узбекскими военными привело к многочисленным жертвам среди гражданского таджикского населения в регионе, отчасти из-за того, что мины были ошибочно установлены на таджикской территории.⁶⁴ Многие в Таджикистане уже выразили возмущение и протест против действий Узбекистана, и такие события будут еще больше усугублять обстановку и усиливать поддержку врагов Узбекистана со стороны некоторых таджиков. Таким образом, вероятность налаживания эффективного сотрудничества в сфере безопасности между этими странами ограничена. В обстановке растущей напряженности между тремя странами по вопросам границ, несмотря на соглашения о сотрудничестве, в целом усиление мер безопасности приводит к снижению региональной безопасности.

Тем временем, новые вторжения, скорее всего, примут иные формы и будут менее сосредоточены на приграничных регионах. При том, что исламистское движение внутри Узбекистана становится все более нетерпеливым и враждебным по отношению к режиму, можно ожидать, что боевики смогут более эффективно мобилизовать подпольную сеть поддержки во многих регионах страны. Растущая напряженность в Узбекистане,

которая проистекает из неравного распределения политической власти и экономических инвестиций по регионам и резкого обострения отношений с соседними странами из-за вопроса о границах, создает обстановку, когда случайные события и оппортунистические действия могут ввергнуть регион в глубокий кризис.

⁶³ См., например, «Вторжение исламских экстремистов: будет ли продолжение?», *Центральная Азия*, 2000 г., № 1 (Алматы: Центральноазиатское агентство политических исследований, 2000 г.), стр. 13.

⁶⁴ *RFE/RL Newslines*, т. 4, № 219, 10 ноября 2000 г.

V. РОЛЬ ИНОСТРАННЫХ ГОСУДАРСТВ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

A. КИТАЙ

Китай — единственная великая держава, которая граничит с некоторыми из трех стран, рассматриваемых в данном отчете. Он стоит перед лицом бунта среди мусульманской общины в юго-западной части Синьцзянской автономной области. Этот бунт характеризуется частыми террористическими акциями вооруженных уйгурских сепаратистов, которые власти жестко карают казнями и тюремным заключением большого числа активистов или тех, кого считают активистами. Китай также ведет мощную пропаганду и внутреннюю кампанию безопасности против неофициальной исламской деятельности. Как и бывший СССР, он не терпит какой-либо религиозной деятельности, которую не контролирует. Рассмотренные в данном отчете Кыргызстан и Таджикистан, имеющие общую границу с Китаем, являются самыми слабыми с точки зрения способности поддерживать безопасность, однако Китай рассчитывает на их участие в изоляции общих границ от проникновения не только исламистских политических организаций, но также самых положительных исламских обычаев и идей.

Китай очень низко оценивает способность Кыргызстана и Таджикистана оказать помощь в предотвращении подобных проникновений через их границы с Китаем, а также их способности не допустить создание на их территории анти-китайских групп. Правительство Китая создало ряд новых оперативных групп для решения этой проблемы, которая теперь рассматривается как самая серьезная с момента создания в 1949 г. коммунистического государства. Согласно некоторым источникам, Китай считает, что проигрывает борьбу с мусульманским восстанием в Синьцзяне из-за отсутствия эффективного пограничного контроля, оттока китайцев, принадлежащих к группе хань из Синьцзяна,⁶⁵ и отсутствия привлекательности

атеистического государства ханьцев для большинства мусульман, живущих в Китае. Волна казней в Синьцзяне в последние годы и продолжающееся преследование Китаем неофициальной мусульманской деятельности если и не толкают всех мусульман в лоно террористических и сепаратистских групп, то во всяком случае усугубляют враждебность по отношению к китайскому государству.

В такой обстановке отношения Китая в сфере безопасности с Кыргызстаном и Таджикистаном могут лишь усиливать желания этих правительств подавлять неофициальную исламскую деятельность. Немного известно в деталях о регулярных отношениях Китая в сфере безопасности с этими странами,⁶⁶ однако Китай принимает активное участие в деятельности Шанхайской Пятерки и в двусторонних договорах с целью сдержать и подавить то, что он считает транснациональным и воинствующим исламским фундаментализмом. На основании внутренней политики Китая по отношению к исламу, можно смело предположить, что оценка, которую Китай дает угрозе со стороны исламистских групп в Центральной Азии, довольно резкая и недвусмысленная.

B. РОССИЯ

Россия, как и Китай, рассматривает радикальную исламистскую мобилизацию в Таджикистане, Кыргызстане и Узбекистане как угрозу интересам национальной безопасности. Терпимость России к формам исламистской политики довольно мала, хотя Россия не столь непримирима, как Китай. Действительно, внутренняя политика России по отношению к исламу никак не напоминает политику Китая или политику центрально-азиатских государств. В некоторых регионах России исламская религиозная деятельность и исламские организации процветают с 1991 г. Но российские службы безопасности и средства массовой информации внесли свой вклад в довольно незамысловатую кампанию против воинствующих исламистов, представляя их как

Синьцзян для изменения этнического баланса в пользу ханьцев [этнических китайцев]. Эта политика насильственного переселения дает сейчас обратный эффект, благодаря снятию контроля местожительства, созданию свободного рынка труда, привлекательности восточных районов страны, где можно «быстро разбогатеть» и возвращению переселенцев в свои дома и к родственникам на востоке.

⁶⁶ Это будет темой следующего отчета МГПК.

⁶⁵ На протяжении почти всего времени, начиная с 1949 г., Китай вел политику принудительной миграции в

угрозу интересам безопасности России. Эти стереотипные и подстрекательские репортажи и сообщения отчасти подогревались событиями в Чечне.

Многие сообщения западных СМИ об исламской мобилизации в Центральной Азии фактически повторяют некоторые наиболее зловонные и мало достоверные высказывания российской прессы. Отдельные представители российских разведслужб, похоже, играют важную роль в снабжении средств массовой информации более подробной информацией об исламистской деятельности в Центральной Азии. Из дня в день, отношение и подозрения многих российских официальных лиц, занимающихся вопросами сотрудничества в сфере безопасности в Центральной Азии, похоже, укрепляют намерение этих правительств подавлять неофициальную исламскую деятельность.

Тем не менее, Россия, при ее давнем участии в жизни региона и существенном разведывательном потенциале, который она сохранила, лучше, чем какой-либо другой внешний участник, способна понять суть событий, происходящих в Центральной Азии, включая и те, которые имеют отношение к исламской мобилизации. Здесь играют роль и изрядные ухищрения на самом высоком официальном уровне. Положение России таково, что позволит наиболее эффективно отреагировать на намерение радикальных исламистских групп применить насилие. Она, похоже, добилась некоторого успеха в установлении контакта и связей с ИДУ. Так же, как и во время контактов с моджахедами в Афганистане в дни его оккупации, она, возможно, надеется стать посредником между ИДУ и узбекским правительством.⁶⁷

Следовательно, консультации и сотрудничество с Россией могут быть полезны западным правительствам, ищущим эффективные подходы к решению проблем безопасности в Центральной Азии, включая терроризм и наркотики. Сложность, однако, заключается в том, чтобы отделить зерна от плевел в том, что русские говорят о регионе и провести различие между опытом России,

который является богатым, и российской паранойей и собственными притязаниями, которые также весьма существенны.

В. ЗАПАДНЫЕ ПРАВИТЕЛЬСТВА И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ

Политики западных государств и международных организаций редко обращают внимание на проблему исламистской мобилизации в Центральной Азии. Это происходит в силу ряда причин: отдаленность региона, короткий период, прошедший с момента начала изучения новых государств и связанное с этим отсутствие аналитических знаний о регионе.

Западные правительства, а также в значительной степени и международные организации имеют сильную тенденцию рассматривать исламские движения негативно, как антитезу либеральному гражданскому обществу и западным ценностям и обходить вниманием различия между группами с различными целями и различными методами. Это приводит к неспособности адекватно оценивать то значение, которое исламская политическая и социальная мобилизация будет неизбежно приобретать в Центральной Азии. Это также порождает некоторое сочувствие центральноазиатским правительствам, которые используют авторитарные методы при ограничении деятельности любой исламской организации, находящейся вне их прямого контроля. Среди западных правительств имеется общий консенсус в том, что такие права, как свобода совести, право на участие в организациях и свобода выражать свое мнение, а также право на полное политическое участие в группах по интересам в рамках общества необходимы для обеспечения гражданского согласия и, в конечном счете, безопасности государства. Однако негативное видение ислама некоторыми западными политиками может в какой-то мере поддержать ту политику, которая оправдывает ограничение этих прав в интересах поддержания безопасности центрально-азиатских государств. Некоторые правительственные структуры в Центральной Азии заявляют о молчаливой или явной поддержке Запада политики исключения и подавления исламских элементов, которая, скорее всего, приведет к усилению политической поляризации и, в конечном итоге, к серьезной опасности политических и военных столкновений.

⁶⁷ Это косвенно подтверждается рядом источников. Например, в начале февраля 2001 г. сообщалось, что Россия участвовала в переправке самолетами около 250 членов ИДУ из Таджикистана в Афганистан.

VI. ВЫВОДЫ

А. ЦЕНТРАЛЬНО-АЗИАТСКИЕ ПРАВИТЕЛЬСТВА

С точки зрения предотвращения дальнейшей социальной напряженности и эскалации насилия, одна из главных проблем безопасности в связи с исламской мобилизацией в Узбекистане, Кыргызстане и Таджикистане возникла по вине самих правительств. Хотя был период, когда они публично объявляли о своей приверженности возрождению ислама и допускали существование различных видов неофициальной исламской деятельности, этому позитивному начинанию был дан обратный ход. Хуже всего ситуация складывается в Узбекистане. Установка на то, что большая часть исламской деятельности, несанкционированной государством, непременно является антигосударственной, привела к необоснованным арестам и притеснениям тысяч мусульман, которые иначе остались бы лояльными гражданами. Впоследствии эти люди, их родственники и сочувствующие были вынуждены занять более радикальную позицию. Репрессивная религиозная политика способствует поляризации общества и дискредитирует его политические институты, включая исламские организации, которые каким-либо образом связаны с государством. Правительства должны восстановить доверие к себе как к защитникам законных прав всех людей, включая самых ревностных мусульман, ясно выражая и демонстрируя свое твердое намерение защищать эти права.

Основная причина религиозных гонений заложена в авторитарных инстинктах государственных лидеров, которых многие политические комментаторы называют «нео-советскими». До прихода Горбачева, советский режим рассматривал любую форму организованной исламской деятельности, которая не контролировалась КГБ напрямую, в лучшем случае как антиобщественное поведение, а в худшем как государственную измену. Подавление неформальной религиозной деятельности или определенных направлений религиозной веры — это лишь один аспект более широкой тенденции к

пресечению гражданских и политических свобод, проводимой правительствами региона. Эта тенденция наиболее заметна в сфере политического инакомыслия и свободы прессы.

Второстепенный фактор, который, возможно, превратил чувство общей тревоги среди руководителей государств по поводу неофициальной религии в более жесткую политику на практике — это институциональная основа, на которую полагаются руководители в преодолении своих страхов. Данный вопрос имеет три аспекта: первый — это роль служб национальной безопасности; второй — отсутствие надлежащего контроля за действиями милиции; и третий — это недостаточное развитие институтов, занимающихся выработкой политики в области безопасности в каждой из стран.

Службы национальной безопасности центрально-азиатских правительств, каждая из которых была создана на базе республиканских отделов КГБ, все активнее берут на себя главенствующую роль в проведении государственной политики в отношении ислама. Подход этих структур к исламу в основном полностью соответствует тому, которым в советское время руководствовался КГБ. Ответом на любые формы неофициальной исламской деятельности — будь то безобидное соблюдение религиозных обрядов, яростный идеологический антагонизм, умеренные политические амбиции или жестокие военные и террористические акты — является подавление. Политика в отношении ислама во всех его проявлениях не должна направляться преемниками КГБ, принимая во внимание традицию относиться ко всем формам исламской религиозной практики (часто даже к тем, которые существуют при санкционированных государством духовных управлениях мусульман) как к потенциально антигосударственным, а значит, подлежащим пресечению или контролю. Вместо этого, в целом политика в отношении ислама должна направляться политическими деятелями, чей опыт и знания лежат в сфере социальной и культурной политики, а не охраны правопорядка.

Центральные правительства должны разработать четкие и хорошо аргументированные положения о том, что составляет антигосударственную исламскую деятельность. Сотрудникам правоохранительных органов должно быть разъяснено, что неправильно (и зачастую противозаконно) преследовать и арестовывать людей за такие действия, как посещение мечети,

ношение мусульманской одежды, хранение и распространение запрещенной литературы, которая не призывает к насилию, или за связь с религиозными деятелями, которые впоследствии были признаны виновными в подрывной деятельности. Политические директивы центрального правительства должны требовать, чтобы сотрудники правоохранительных органов не выбирали в качестве объектов преследования невинных людей для выполнения «плана». Сотрудников правоохранительных органов необходимо поставить в известность о том, что на тех, кто не будет придерживаться этой политики, будут наложены существенные взыскания. Общественности следует показать, что представители власти, нарушающие эту политику государства, будут наказаны.

Недостаточное развитие институтов, занимающихся выработкой политики безопасности в Центральной Азии также отрицательно влияет на то, как правительства реагируют на неофициальную религиозную деятельность. В правительственных департаментах аналитический потенциал в лучшем случае только начинает развиваться. За пределами правительственных учреждений нет мощного голоса, предлагающего альтернативную политику безопасности и почти нет институциональных условий для появления такого голоса. Университеты переживают трудности, и исследования в области безопасности не являются научным приоритетом. Средства массовой информации предлагают альтернативные точки зрения, но им все больше мешают, и к тому же в правительственных кругах мало прислушиваются к СМИ. Парламенты не могут предложить никакой другой эффективной программы и мало влияют на политику безопасности.

Б. ИНОСТРАННЫЕ ГОСУДАРСТВА И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ

Правительства иностранных государств и международные организации должны однозначно и безоговорочно поддержать положение о том, что региональная стабильность может быть обеспечена только при условии, что свобода религии будет гарантирована, а законная деятельность групп и отдельных граждан не будет преследоваться. И не только потому, что права человека важны

сами по себе, но и потому, что их ущемление неизбежно вызывает воинственную реакцию. Центральную Азию можно сравнить с дореволюционным Ираном, где иностранная поддержка непопулярного лидера привела к ухудшению руководства страной и усилению антагонизма по отношению и к лидеру, и к поддерживающему его иностранному государству.

Любая поддержка, предоставляемая правительствам региона с целью укрепления безопасности будет бесполезна, если факторы, ведущие к поляризации между населением и правительствами, не будут уменьшены или устранены. Доноры должны быть уверены, что их действия не усиливают и не придают законность действиям по подавлению исламских групп. В противном случае их добрые намерения могут повысить вероятность конфликта в регионе.

Внешняя поддержка центрально-азиатских государств в борьбе против насильственных форм радикальной исламистской политики должна учитывать важные позиции, которые занимают в этом вопросе Россия и Китай. Каждое из этих государств должно меньше полагаться на военную помощь и больше на экономическую и социальную поддержку в адрес центрально-азиатских государств, чтобы ослабить притягательность радикальных исламистских групп. Россия способна принять на себя ведущую роль в международном сообществе в вопросах содействия центрально-азиатским государствам, даже если ее собственные материальные возможности будут слабы. Она сделает это эффективно, если будет лучше использовать свои собственные ресурсы для надлежащей оценки мотивов и сути исламской деятельности.

В настоящее время среди представителей иностранных государств и международных организаций наблюдается широко распространенная тенденция давать путаные и противоречивые советы своим центрально-азиатским коллегам. Те, чьи официальными обязанностями являются вопросы демократии и прав человека, говорят о необходимости усовершенствовать законы и институты, в то время как те, кто отвечает за безопасность, ставят в центр внимания необходимость более эффективных действий против оппонентов режима. Крайне важно, чтобы любое содействие в области безопасности было тесно увязано в единый комплексный подход к решению проблем безопасности, за который выступает Организация

по Безопасности и Сотрудничеству в Европе, членами которой являются центрально-азиатские государства. Содействие в сфере безопасности не должно предоставляться, если нет достаточных гарантий, что это содействие будет использоваться в соответствии с таким комплексным подходом. Те, кто участвует в реализации программ содействия в области безопасности, должны быть готовы оказывать помощь не только в их технической реализации, но также следить за тем, чтобы в Центральной Азии применялись такие же стандарты и механизмы гарантии соблюдения прав граждан, как и всюду.

Гарантирование прав мусульман должно рассматриваться как с точки зрения прав человека, так и безопасности. Именно те, кто предоставляет содействие в сфере безопасности, должны дать понять, что отношение к мусульманским группам и отдельным мусульманам должно соответствовать международным нормам. Однако на сегодняшний день те, кто занимается оказанием такого содействия, не имеют полной информации и не способны понять разницу между последователями исламских программ. Следовательно, они согласны с мнением правительства о том, что подавление исламских групп необходимо. Готовность правительств, в частности США, оказать помощь в обеспечении безопасности заставило некоторых представителей центрально-азиатских правительств сделать вывод, что их твердая решимость бороться с наркотиками и радикальным исламом для Запада важнее, чем развитие политической системы, основанной на справедливости и терпимости.

До тех пор, пока иностранные государства будут сотрудничать с правящими центрально-азиатскими режимами или будут не способны осудить их репрессивные методы, жертвы преследований легитимной религиозной деятельности будут все более склонны к враждебной позиции в отношении этих правительств. За последние годы эта тенденция заметно усилилась именно по этим причинам. Если направление деятельности иностранных государств не изменится, можно ожидать, что такое положение начнет представлять серьезную угрозу безопасности западных граждан и интересам Запада в регионе в среднесрочной перспективе.

Правительства иностранных государств и страны региона должны пересмотреть свою политику в отношении Афганистана. Все аспекты политики в отношении этого государства не должны зависеть от единственного вопроса, а именно, от присутствия там Осамы бин Ладена. Ввиду того, что дальнейшее продолжение гражданской войны в Афганистане пагубно влияет на региональную безопасность, необходимо пересмотреть вопрос о внешней поддержке Северного Альянса. В то же время, правительства должны продолжать требовать от Талипов и их союзников в Пакистане достижения мирного урегулирования с Северным Альянсом. Поскольку в итоге центрально-азиатские правительства предприняли шаги, направленные на официальное признание правительства Талибан, представляет важность новая оценка значения этих шагов для интересов ведущих стран мира. Необходимо предпринять усилия для того, чтобы правительство Афганистана отошло от своей враждебной позиции в отношении центрально-азиатских правительств и участия Запада в делах региона.

Западные правительства не должны допустить, чтобы отсутствие приоритетного сосредоточения на ситуации в Центральной Азии обернулось низкопробным вниманием. Забота о регионе неизбежно будет ограниченной, покуда он не начнет создавать серьезных проблем для Запада. Тем не менее, политика должна быть хорошо продуманной и не основываться на узких интересах или единичных вопросах. Занесение ИДУ Соединенными Штатами в список террористических организаций (при том, что многие организации, представляющие гораздо большую террористическую опасность, в этот список не попали) может служить примером того, как поверхностное внимание влияет на политику.⁶⁸ У многих западных правительств, похоже, совсем нет никакой политики в отношении многих острых вопросов, определяющих безопасность в этом регионе.

Для Центральной Азии настал критический момент. Поддержка радикального исламизма достаточно низка, поэтому перспектива скорого, всеобщего и необузданного исламистского восстания является весьма отдаленной. Но для того, чтобы сократить растущую поддержку такого развития событий требуется коренным образом пересмотреть политику, проводимую

⁶⁸ Согласно одному источнику, правительство США включило ИДУ в список террористических организаций по просьбе правительства Узбекистана.

центрально-азиатскими правительствами. Другие государства и международные организации могут и должны сыграть важную роль в такой переориентации политики центрально-азиатских государств, если желают предотвратить усиливающуюся исламистскую радикализацию и восстание.

Ош — Брюссель, 1 марта 2001 г.

ПРИЛОЖЕНИЕ А

Глоссарий

Имам. Руководитель молитвенного собрания, который по исламской традиции суннитов (которых в Центральной Азии подавляющее большинство) может быть лидером, связанным с общинной мечетью или фигурой, чье влияние распространяется более широко.

Исламское Движение Узбекистана (ИДУ). Воинствующая группа, созданная в середине 1990-х гг., в основном состоящая из исламистов, высланных из Узбекистана в Таджикистан и Афганистан, и руководимая Тахиром Юлдашем и Джумой Намангани. Группа провозгласила своей целью свержение правительства Ислама Каримова в Узбекистане и установление вместо него исламского режима.

Объединенная Таджикская Оппозиция (ОТО). Эта коалиция была создана во время гражданской войны в Таджикистане (1992-1997) тремя основными группами — Партией Исламского Возрождения Таджикистана, Демократической Партией Таджикистана и движением национального возрождения «Растохез», которые выступили против коммунистического правительства Таджикистана. Несмотря на то, что к началу 1993 г. ОТО была почти вытеснена из Таджикистана, она продолжала бороться, действуя из Афганистана и в юго-восточных районах страны до 1997 г., когда было заключено перемирие с правительственными войсками, обеспечившее вхождение ОТО в правительство и участие в последующих выборах. С тех пор правительство Президента Рахмонова во многом преуспело в том, чтобы уменьшить политическое влияние ОТО, однако некоторые фигуры, такие как Саид Абдулло Нури и силы, преданные ОТО, продолжают играть значительную роль в политической жизни страны.

Северный Альянс. Союз сил моджахедов в Афганистане, которые действовали сообща, в основном против советского вторжения, до середины 1980-х, но после

ухода советских войск стали сражаться друг против друга, пока снова не объединились в ответ на действия Талибов. Северный Альянс поддерживает получившее международное признание правительство Афганистана, возглавляемое Президентом Бурхануддином Раббани. Он состоит в основном из таджиков, узбеков и других менее многочисленных этнических групп и получает поддержку в той или иной форме от центрально-азиатских правительств, России, США и Ирана.

Талибан. Название переводится как «студенты» в связи с тем, что это политическое и военное движение возникло среди афганских беженцев в исламских школах Пакистана. Движение во многом отождествляется с этнической группой пуштунов, которые преобладают на юге Афганистана. Движение быстро завоевало южную часть страны, но столкнулось с более сильным сопротивлением со стороны северных групп моджахедов, которые считали, что оно стремится отнять власть у таджиков и других. Талибы подвергаются резкой критике со стороны правительства США за укрывание Осамы бин Ладена, саудовского миллионера; полагают, что он является главным лицом, оказывающим поддержку международному терроризму.

Хадис. Основная часть традиций об изречениях и деяниях Мухаммеда, которые выражают добродетельное поведение мусульманина и которые образуют, вместе с Кораном, основу исламского закона или Шариата (см. ниже).

Халифат. Государство, созданное под властью наследников Пророка Мухаммеда, в ранне-исламский период объединившее все мусульманские земли под властью Халифа (или *Калифы*, буквально, «наследника» Пророка).

Шариат. Исламская правовая система, которая регулирует многие аспекты общественного и личного поведения; в основе ее лежат Коран и Хадис Пророка Мухаммеда (см. выше).

ПРИЛОЖЕНИЕ Б

О Международной Группе по Предотвращению Кризисов

Международная Группа по Предотвращению Кризисов (МГПК) — частная, международная организация. Она создана для укрепления способности международного сообщества прогнозировать, понимать и действовать в целях предотвращения и сдерживания конфликтов.

Методология МГПК основана на проведении исследований на местах. Группы политических аналитиков, находящиеся в тех странах, где существует опасность кризиса, собирают информацию из широкого диапазона источников, оценивают местные условия и производят регулярные аналитические отчеты, содержащие практические рекомендации, адресованные международным деятелям и организациям, которые ответственны принимать ключевые решения.

Отчеты МГПК представляются должностным лицам в министерствах иностранных дел и международных организациях. Они также доступны широкой публике через вебсайт организации, по адресу www.crisisweb.org (вебсайт привлек внимание более чем миллиона посетителей в 1999 г.). Организация работает тесно с правительствами и прессой, чтобы выдвинуть на первый план ключевые вопросы, определенные посредством работы на местах, и получить поддержку для своих политических предписаний. Совет МГПК, в который входят видные политические деятели, дипломаты, бизнесмены и представители средств массовой информации, также способствует тому, чтобы отчеты МГПК и рекомендации получили должное внимание от лиц, которые занимаются политическими вопросами во всем мире. Бывший Президент Финляндии Марти Ахтисаари является председателем Совета МГПК; Гарет Эванс, отслуживший восемь лет министром иностранных дел Австралии, в январе 2000 г. стал Президентом МГПК.

Штаб МГПК размещен в Брюсселе; Американское отделение находится в Вашингтоне. В настоящее время организация реализовывает проекты в следующих странах и регионах мира, переживающих кризис: Босния и Герцеговина, Албания, Македония,

Федеративная республика Югославии, Алжир, Бурунди, Руанда, Демократическая республика Конго, Сьерра-Леоне, Зимбабве, Центральная Азия и Индонезия.

МГПК получает средства от Европейского Сообщества, правительств, благотворительных организаций, компаний и индивидуальных доноров. В 2000 г., ниже указанные правительства предоставили финансовую поддержку МГПК: Австралия, Австрия, Бельгия, Канада, Дания, Финляндия, Франция, Ирландия, Япония, Люксембург, Нидерланды, Норвегия, Республика Китая (Тайвань), Швеция, Швейцария, Великобритания и Соединенные Штаты. Доноры частного сектора включают Фонд «Fares», Фонд «William and Flora Hewlett», Фонд «Charles Stewart Mott», Фонд «Smith Richardson», и Институт Мира Соединенных Штатов (USIP).

Март 2001 г.

ПРИЛОЖЕНИЕ В

Отчеты и брифинговые документы МГПК *

AFRICA

ALGERIA

Algeria: The Press in Crisis, Africa Report N°8, 11 January 1999

Algérie: La Crise de la Presse, Africa Report N°8, 11 January 1999

The People's National Assembly, Africa Report N°10, 16 February 1999

Assemblée Populaire Nationale: 18 Mois de Législature, Africa Report N°10 16 February 1999

Elections Présidentielles en Algérie: Les Enjeux et les Perspectives, Africa Report N°12, 13 April 1999

The Algerian Crisis: Not Over Yet, Africa Report N°24, 20 October 2000

La Crise Algérienne n'est pas finie, Africa Report N°24, 20 October 2000

BURUNDI

Burundi: Internal and Regional Implications of the Suspension of Sanctions, Africa Report N°14, 27 April 1999

Le Burundi Après La Suspension de L'Embargo: Aspects Internes et Régionaux, Africa Report N°14, 27 April 1999

Quelles Conditions pour la reprise de la Coopération au Burundi? Africa Report N°13, 27 April 1999

Proposals for the Resumption of Bilateral and Multilateral Co-operation, Africa Report N°13, 27 April 1999

Burundian Refugees in Tanzania: The Key Factor in the Burundi Peace Process, Africa Report N°19, 30 November 1999

L'Effet Mandela: Evaluation et Perspectives du Processus de Paix Burundais, Africa Report N°20, 18 April 2000

The Mandela Effect: Evaluation and Perspectives of the Peace Process in Burundi, Africa Report N°20, 18 April 2000

Unblocking Burundi's Peace Process: Political Parties, Political Prisoners and Freedom of the Press, Africa Briefing, 22 June 2000

Burundi: Les Enjeux du Débat. Partis Politiques, Liberté de la Presse et Prisonniers Politiques, Africa Report N°23, 12 July 2000

Burundi: The Issues at Stake. Political Parties, Freedom of the Press and Political Prisoners, Africa Report N°23, 12 July 2000

Burundi Peace Process: Tough Challenges Ahead, Africa Briefing, 27 August 2000

Burundi: Ni guerre ni paix, Africa Report N°25, 1 December 2000

DEMOCRATIC REPUBLIC OF CONGO

How Kabila Lost His Way, DRC Report N°3, Africa Report N°16, 21 May 1999

Africa's Seven Nation War, DRC Report N°4, Africa Report N°17, 21 May 1999

The Agreement on a Cease-Fire in the Democratic Republic of Congo, Africa Report N°18, 20 August 1999

Kinshasa sous Kabila, à la veille du dialogue national, Africa Report N°19, 21 September 1999

Scramble for the Congo: Anatomy of an Ugly War, Africa Report N°26, 20 December 2000

RWANDA

Five Years after the Genocide: Justice in Question, Africa Report N°11, 7 April 1999

Cinq Ans Après le Génocide au Rwanda: La Justice en Question, Africa Report N°11, 7 April 1999

Uganda and Rwanda: Friends or Enemies? Africa Report N°15, 4 May 2000

ZIMBABWE

Zimbabwe: At the Crossroads, Africa Report N°22, 10 July 2000

Zimbabwe: Three Months after the Elections, Africa Briefing, 25 September 2000

ASIA

BURMA/MYANMAR

Burma/Myanmar: How Strong is the Military Regime?, Asia Report N°11, 21 December 2000

INDONESIA

East Timor Briefing, 6 October 1999

Indonesia's Shaky Transition, Indonesia Report N°1, Asia Report N°5, 10 October 1999

Indonesia's Crisis: Chronic but not Acute, Indonesia Report N°2, Asia Report N°6, 31 May 2000

Indonesia's Maluku Crisis: The Issues, Asia Briefing, 19 July 2000

Indonesia: Keeping the Military Under Control, Asia Report N°9, 5 September 2000

* Опубликовано с января 1999 г.

Aceh: Escalating Tension, Asia Briefing, 7 December 2000

Indonesia: Overcoming Murder and Chaos in Maluku, Asia Report N°10, 19 December 2000

Indonesia: Impunity Versus Accountability for Gross Human Rights Violations, Asia Report N°12, 2 February 2001

Indonesia: National Police Reform, Asia Report N°13, 20 February 2001

Indonesia's Presidential Crisis, Indonesia Briefing, 21 February 2001

CAMBODIA

Back from the Brink, Asia Report N°4, 26 January 1999

Cambodia: The Elusive Peace Dividend, Asia Report N°8, 11 August 2000

CENTRAL ASIA

Central Asia: Crisis Conditions in Three States, Asia Report N°7, 7 August 2000

Центральная Азия: условия кризиса в трех государствах, Отчет по Азии № 7, 7 августа 2000 г.

Recent Violence in Central Asia: Causes and Consequences, Central Asia Briefing, 18 October 2000

Недавние акты насилия в Центральной Азии: причины и последствия, Брифинг по Центральной Азии, 18 октября 2000 г.

Islamist Mobilisation and Regional Security, Asia Report N°14, 1 March 2001

BALKANS

ALBANIA

The State of Albania, Balkans Report N°54, 6 January 1999

Albania Briefing: The Refugee Crisis, 11 May 1999

Albania: State of the Nation, Balkans Report N°87, 1 March 2000

Albania Briefing: Albania's Local Elections, A test of Stability and Democracy, 25 August 2000

BOSNIA

Brcko: A Comprehensive Solution, Balkans Report N°55, 8 February 1999

Breaking the Mould: Electoral Reform in Bosnia & Herzegovina, Balkans Report N°56, 4 March 1999

Republika Srpska: Poplacen, Brcko and Kosovo – Three Crises and Out? Balkans Report N°62, 6 April 1999

Why Will No-one Invest in Bosnia and Herzegovina? Balkans Report N°64, 21 April 1999

Republika Srpska in the Post-Kosovo Era: Collateral Damage and Transformation,

Balkans Report N°71, 5 July 1999

Rule over Law: Obstacles to the Development of an Independent Judiciary in Bosnia and Herzegovina, Balkans Report N°72, 5 July 1999

Balkans Briefing: Stability Pact Summit, 27 July 1999

Preventing Minority Return in Bosnia and Herzegovina: The Anatomy of Hate and Fear, Balkans Report N°73, 2 August 1999

Is Dayton Failing? Policy Options and Perspectives Four Years After, Balkans Report N°80, 28 October 1999

Rule of Law in Public Administration: Confusion and Discrimination in a Post Communist Bureaucracy, Balkans Report N°84, 15 December 1999

Denied Justice: Individuals Lost in a Legal Maze, Balkans Report N°86, 23 February 2000

European Vs. Bosnian Human Rights Standards, Handbook Overview, 14 April 2000

Reunifying Mostar: Opportunities for Progress, Balkans Report N°90, 19 April 2000

Bosnia's Municipal Elections 2000: Winners and Losers, Balkans Report N°91, 28 April 2000

Bosnia's Refugee Logjam Breaks: Is the International Community Ready? Balkans Report N°95, 31 May 2000

War Criminals in Bosnia's Republika Srpska, Balkans Report N°103, 02 November 2000

Bosnia's November Elections: Dayton Stumbles, Balkans Report N°104, 18 December 2000

KOSOVO

Unifying the Kosovar Factions: The Way Forward, Balkans Report N°58, 12 March 1999

Kosovo: The Road to Peace, Balkans Report N°59, 12 March 1999

Kosovo Briefing: Atrocities in Kosovo Must be Stopped, 29 March 1999

Kosovo Briefing: The Refugee Crisis, 2 April 1999

Kosovo: Let's Learn from Bosnia, Balkans Report N°66, 17 May 1999

The New Kosovo Protectorate, Balkans report N°69, 20 June 1999

Kosovo Briefing: Who Will Lead the Kosovo Albanians Now? 28 June 1999

The Policing Gap: Law and Order in the New Kosovo, Balkans Report N°74, 6 August 1999

Who's Who in Kosovo, Balkans Report N°76, 31 August 1999

Waiting for UNMIK: Local Administration in Kosovo, Balkans Report N°79, 18 October 1999

Violence in Kosovo: Who's Killing Whom? Balkans Report N°78, 2 November 1999

Trepca: Making Sense of the Labyrinth, Balkans Report N°82, 26 November 1999

Starting From Scratch in Kosovo: The Honeymoon is Over, Balkans Report N°83, 10 December 1999

Kosovo Albanians in Serbian Prisons: Kosovo's Unfinished Business, Balkans Report N°85, 26 January 2000

What Happened to the KLA?, Balkans Report N°88, 3 March 2000

Kosovo's Linchpin: Overcoming Division in Mitrovica, Balkans Report N°96, 31 May 2000

Reality Demands: Documenting Violations of International Humanitarian Law in Kosovo 1999, 27 June 2000

Elections in Kosovo: Moving toward Democracy? Balkans Report N°97, 7 July 2000

Kosovo Report Card, Balkans Report N°100, 28 August 2000

Reaction in Kosovo to Kostunica's Victory, Balkans Briefing, 10 October 2000

Religion in Kosovo, Balkans Report N°105, 31 January 2001

MACEDONIA

Challenges and Choices for the New Government, Balkans Report N°60, 29 March 1999

Toward Destabilisation? Balkans Report N°67, 21 May 1999

Macedonia Briefing: Government Holds Together, Eyes Fixed on Upcoming Presidential Poll, 11 June 1999

Macedonia Briefing: Update of Recent Political Developments, 14 June 1999

Macedonia: Gearing up for Presidential Elections, Balkans Report N°77, 18 October 1999

Macedonia's Ethnic Albanians: Bridging the Gulf, Balkans Report N°98, 2 August 2000

Macedonia government expects setback in local elections, Briefing Paper, 4 September 2000

MONTENEGRO

Montenegro Briefing: Milosevic to Move on Montenegro, 23 April 1999

Montenegro Briefing: Calm Before the Storm, 19 August 1999

Montenegro: In the Shadow of the Volcano, Balkans Report N°89, 21 March 2000

Montenegro's Socialist People's Party: A Loyal Opposition?, Balkans Report N°92, 28 April 2000

Montenegro's Local Elections: Testing the National Temperature, Background Briefing, 26 May 2000

Montenegro's Local Elections: More of the Same, Briefing Paper, 23 June 2000

Montenegro: Which way Next? Balkans Briefing, 30 November 2000

SERBIA

Sidelining Slobodan: Getting Rid of Europe's Last Dictator, Balkans Report N°57, 15 March 1999

Milosevic's Aims in War and Diplomacy, Balkans Report N°65, 11 May 1999

Yugoslavia Briefing: Wanted for War Crimes, 1 June 1999

Back to the Future: Milosevic Prepares for Life After Kosovo, Balkans Report N°70, 28 June 1999

Transforming Serbia: The Key to Long-Term Balkan Stability, Balkans Report N°75, 10 August 1999

Serbia's Embattled Opposition, Balkans Report N°94, 30 May 2000

Serbia's Grain Trade: Milosevic's Hidden Cash Crop, Balkans Report N°93, 5 June 2000

Serbia: The Milosevic Regime on the Eve of the September Elections, Balkans Report N°99, 17 August 2000

Current Legal Status of the Republic of Yugoslavia (FRY) and of Serbia and Montenegro, Balkans Report N°101, 19 September 2000

Yugoslavia's Presidential Election: The Serbian People's Moment of Truth, Balkans Report N°102, 19 September 2000

Federal Republic of Yugoslavia Sanctions Briefing, Balkans Briefing, 10 October 2000

Serbia on the Eve of the December Elections, Balkans Briefing, 20 December 2000

REGIONAL REPORTS

War in the Balkans, Balkans Report N°61, 19 April 1999

Balkan Refugee Crisis, Balkans Report N°68, 1 June 1999

Balkans Briefing: Stability Pact Summit, 27 July 1999

ПРИЛОЖЕНИЕ Г

Члены Совета попечителей МГПК

Martti Ahtisaari, Chairman

Former President of Finland

Stephen Solarz, Vice-Chairman

Former U.S. Congressman

Gareth Evans, President

Former Foreign Minister of Australia

Morton Abramowitz

Former U.S. Assistant Secretary of State; former U.S. Ambassador to Turkey

Hushang Ansary

Former Iranian Minister and Ambassador; Chairman, Parman Group, Houston

Louise Arbour

Supreme Court Judge, Canada;

Former Chief Prosecutor, International Criminal Tribunal for former Yugoslavia

Oscar Arias Sanchez

Former President of Costa Rica; Nobel Peace Prize, 1987

Ersin Arioglu

Chairman, Yapi Merkezi

Paddy Ashdown

Former Leader of the Liberal Democrats, United Kingdom

Zainab Bangura

Director, Campaign for Good Governance, Sierra Leone

Alan Blinken

Former U.S. Ambassador to Belgium

Emma Bonino

Member of the European Parliament; former European Commissioner

Maria Livanos Cattau

Secretary-General, International Chamber of Commerce

Wesley Clark

Former NATO Supreme Allied Commander, Europe

Jacques Delors

Former President of the European Commission

Mou-Shih Ding

Former Secretary-General to the President, Taiwan

Uffe Ellemann-Jensen

Former Foreign Minister of Denmark

Gernot Erler

Vice-President, Social Democratic Party, German Bundestag

Mark Eyskens

Former Prime Minister of Belgium

Yoichi Funabashi

Journalist and author

Bronislaw Geremek

Former Foreign Minister of Poland

I.K. Gujral

Former Prime Minister of India

Han Sung-Joo

Former Foreign Minister of Korea

El Hassan bin Talal

Chairman, Arab Thought Forum

Marianne Heiberg

Senior Researcher, Norwegian Institute of International Affairs

Elliott F. Kulick

Chairman, Pegasus International

Joanne Leedom-Ackerman

Novelist and journalist

Todung Mulya Lubis

Human rights lawyer and author

Allan J MacEachen

Former Deputy Prime Minister of Canada

Graça Machel

Former Minister of Education, Mozambique

Barbara McDougall

Former Secretary of State for External Affairs, Canada

Matthew McHugh

Counsellor to the President, The World Bank

Christine Ockrent

Journalist

Timothy Ong

Chairman, Asia Inc magazine

Wayne Owens

President, Center for Middle East Peace and Economic Co-operation

Shimon Peres

Former Prime Minister of Israel; Nobel Peace Prize, 1994

Cyril Ramaphosa

Former Secretary-General, African National Congress; Chairman, New Africa Investments Ltd

Fidel Ramos

Former President of the Philippines

Michel Rocard

Member of the European Parliament; former Prime Minister of France

Volker Ruhe

Vice-President, Christian Democrats, German Bundestag; former German Defence Minister

Mohamed Sahnoun

Special Adviser to the United Nations Secretary-General

William Shawcross

Journalist and author

Michael Sohlman

Executive Director of the Nobel Foundation

George Soros

Chairman, Open Society Institute

Pär Stenbäck

Former Minister of Foreign Affairs, Finland

Thorvald Stoltenberg

Former Minister of Foreign Affairs, Norway

William O Taylor

Chairman Emeritus, The Boston Globe

Ed van Thijn

Former Minister of Interior, The Netherlands; former Mayor of Amsterdam

Simone Veil

Former Member of the European Parliament; former Minister for Health, France

Shirley Williams

Former British Secretary of State for Education and Science; Member House of Lords

Grigory Yavlinsky

Member of the Russian Duma

Mortimer Zuckerman

Chairman and Editor-in-Chief, US News and World Report